

Азия и Северный

Саян и Обыр Закамар

VIJAS'YOV//NEASHI MORU

MOBISON/COTENBING

LEMJING/NORBMESSTADT

IRITA

BAI-KAL SHI

LEMIJING/LIBAIKERSTADT

RIEV OSTMARK

NOYSOHO/SOIA SIIHICMIIT

Два Заката

Илья Петрухин
Сага о Двух Закатах

«Автор»

2025

Петрухин И.

Сага о Двух Закатах / И. Петрухин — «Автор», 2025 — (Два
Заката)

Мир, где СССР проиграла Вторую мировую. К 1960-м году страна расколота: на западе Рейхскомиссариат Московия под жёсткой рукой Третьего Рейха, на востоке Японская Сфера Сопроцветания, где Сибирь стала сырьевым придатком империи. Между ними Нейтральная Зона, царство анархии, бандитов и последних очагов сопротивления. Когда молодой курьер Алексей Волков находит таинственный документ Завешание Петра Великого, он не знает, что в его руках оказался символ, способный перевернуть историю. За артефактом начинается охота: фанатичный офицер СС Эрих Йегер хочет его уничтожить, японский капитан Танака использовать в политической игре, а партизанка Зоя видит в нём знамя для восстания. Это история о тех, кого разделили границы, но объединила общая память. О выборе между выживанием и предательством. О силе слова, которая может оказаться опаснее пули. И о том, как тень прошлого может осветить дорогу в будущее.

© Петрухин И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Акт 1	5
Глава 1 Токио	5
Глава 2 Владивосток	23
Глава 3 Москва	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Илья Петрухин

Сага о Двух Закатах

Акт 1

Глава 1 Токио

Стоял апрель 1961 года. Токио, украшенный багровыми знаменами с хризантемой, гудел. Город праздновал не просто 60-летие императора Хирохито, но и величайшую победу в своей истории — день, когда японское знамя было водружено над Красноярском, окончательно закрепив раздел бывшего советского колосса. Воздух был пропитан запахом сакэ и триумфа, но двадцатичетырехлетний Юкио Танака чувствовал только тяжесть в груди.

Он шел сквозь ликующую толпу, держась ближе к стенам зданий, подальше от всеобщего безумного веселья. В его студенческой форме — строгом черном мундире с высоким стоячим воротником, идеально отглаженном, но уже слегка влажном от весенней духоты — он казался чужеродным элементом. Юкио был худощав, но не болезненно, скорее той поджарой, цепкой худобой, которая свойственна людям, привыкшим много думать и мало есть. Его рост для японца был чуть выше среднего, но он сутулился, словно пытался стать незаметнее, спрятаться от мира, который требовал от него слишком многого.

Лицо его было бы совсем юным, если бы не глаза. Ровный пробор разделял жесткие черные волосы, коротко стриженные по имперскому образцу. Кожа была бледной — не аристократичной, а той нездоровой бледностью человека, который последние ночи проводил не во сне, а за учебниками по экономике оккупационных зон и картами восточных территорий. Скулы острые, челюсть упрямая, но губы плотно сжаты в полоску, выдавая внутреннее напряжение.

Главное в его облике — это взгляд. У выпускников Токийского университета, лучших из лучших, обычно взгляд бывает горящим или надменным. У Юкио же он был спокойным, выжидающим и глубоко усталым. Глаза цвета темного ореха смотрели на флаги, на портреты императора и ликующие лица с легкой отстраненностью этнографа, изучающего чуждую ему культуру.

Он нес в руке кожаный портфель, в котором лежало предписание. Перевод во Владивосток. Должность заместителя управляющего городом и всем Дальним Востоком. Для любого другого выпускника это была бы головокружительная карьера — прыжок выше головы, пропуск в элиту. Но Юкио сжимал ручку портфеля так, что костяшки пальцев побелели. Он знал, что такое «подарки» судьбы в Японской империи, раскинувшейся от Хоккайдо до сибирских рек.

«Заместитель» в системе, где всем заправляли военные губернаторы и кланы кэмпэтай, означал лишь одно: он достаточно умен, чтобы быть полезным, и достаточно незнатен, чтобы его было не жалко в случае беспорядков на диких, беспокойных территориях за Уралом.

Его походка была ровной, почти механической. Юкио не радовался победе, потому что в свои 24 года он уже усвоил главную истину этой новой эпохи: политические границы меняются

быстрее, чем успевают высохнуть чернила на договорах. Пока его сверстники славили «Золотой век Токио», он думал о том, как будет налаживать поставки угля из разоренного Красноярского края и удерживать тихоокеанские штаты (осколок бывшей Америки) от провокаций на морских границах.

Он был вежлив, замкнут и смертельно опасен той тихой, методичной опасностью человека, который не тратит слов зря. Сейчас же он просто шел домой собирать вещи. В комнате общежития его ждал только старый отцовский калькулятор, стопка запрещенных вольнодумных стихов Бодлера на французском, который он выучил тайком, да поношенный западный костюм. В новой жизни, на новом посту, от всего этого придется избавиться. Юкио Танака готовился стать пешкой в большой игре, но в глубине его спокойных глаз тлела уверенность, что пешки, дожившие до конца партии, иногда становятся ферзями.

Юкио толкнул калитку. Ухоженный дом в центре Токио — это был не просто дом, а статус, оставленный отцом. Кихэй Танака, человек, чье имя теперь произносили только шепотом, когда думали, что Юкио не слышит, уехал в Маньчжурию в конце тридцатых осваивать новые территории и пропал без вести в суматохе передела мира. Дом же каким-то чудом уцелел, пережив и бомбежки (когда американский рейх еще пытался бороться), и послевоенные переделы. Теперь он стоял молчаливым памятником тому, что было до великой победы.

Сняв туфли у порога, Юкио аккуратно поставил их на ступеньку — носками строго к выходу, как учили с детства. Внутри пахло деревом, старым шелком обоев и... едой. Теплый, маслянистый, глубокий запах, который всегда умела создавать только мать.

— Я дома, — тихо сказал он, хотя звук его голоса в тишине прихожей прозвучал почти как нарушение этикета.

— Заходи, Юкио. Я почти закончила.

Голос матери доносился из их общей гостиной, которая при нем же превратилась в импровизированную кухню. Юи Танака сидела на татами, низко склонившись над небольшой переносной плиткой. Ее пальцы, тонкие, с чуть искривленными от возраста суставами, проворно заворачивали края теста, придавая гёдза ту самую идеальную форму, которую не могла скопировать ни одна фабричная машина.

Юкио остановился в проеме, прислонившись плечом к косяку. Он не мешал. В этом доме он всегда чувствовал себя мальчиком, даже сейчас, с предписанием на должность заместителя управляющего всем Дальним Востоком в портфеле.

Юи не обернулась, но, казалось, почувствовала его взгляд.

— Я сделала побольше, — сказала она буднично, водя пальцем по краю лепешки, смачивая его водой. — Свинина, немного капусты и тот самый мисо, который ты любишь. Острые. В дороге они будут лучше всего. Разогреешь на пару — как свежие.

— Мама, — начал он, но она перебила его мягко, без нажима.

— Положи их в коробку, что на кухне. Деревянную, я выстелила листом оба. Так они дышать будут и не испортятся до самого Владивостока.

Только сейчас он заметил, что рядом с плиткой уже стоял собранный узел: несколько аккуратных свертков, термос, завернутый в фуросики, и та самая деревянная коробка для еды, которую она хранила для особых случаев. Мать готовила его не просто в дорогу — она проводила его на войну. Или на службу, что в их мире было одним и тем же.

Юкио прошел в свою комнату. Она была такой же, как и всегда: идеальный порядок, низкий стол, стопка книг, которые он уже давно изучил вдоль и поперек. Он опустился на колени перед небольшим камиданой — шкафчиком для свитков — и открыл его. Внутри лежало самое ценное: отцовский калькулятор с потертыми кнопками и томик Бодлера, который он спрятал между стопкой официальных отчетов по статистике.

Он медлил. Пальцы коснулись кожаного переплета, но взгляд упал на фотографию, стоящую у стены. Отец. Кихэй Танака в форме колониальной администрации, снятый перед отъездом. Та же линия скул, что и у Юкио, та же прямая спина. «Не вернулся», — мысленно повторил Юкио то, что знала вся семья, но что мать отказывалась произносить вслух.

— Юкио, — голос матери стал ближе. Она стояла в дверях его комнаты, вытирая руки о передник. — Иди есть. Пельмени готовы. Поешь сейчас, горячими. А те, что в дорогу, я уже упаковала.

Она смотрела на него спокойно, без слез. Но в ее глазах было то самое выражение, которое Юкио видел у жен офицеров, провожающих мужей на фронт. Только сейчас она проводила сына.

Он закрыл шкафчик, оставив вещи внутри. Забирать их с собой было нельзя. На новом посту от него ждали не стихов и памяти о пропавшем отце, а железной хватки и верности империи.

— Спасибо, мама, — сказал он, поднимаясь.

Они прошли на кухню. Юкио поставила перед ним тарелку с дымящимися гёдза, политых уксусом и соевым соусом. Сама она села напротив, сложив руки на коленях, и просто смотрела, как он ест. Она ничего не спрашивала о предписании, о Владивостоке, о тех, кто подписал этот перевод. Только смотрела на сына, стараясь запомнить каждую черту.

Юкио поднес пельмень ко рту. Острый, сочный, пропитанный тем самым мисо, вкус которого он знал с детства. Он жевал медленно, чувствуя, как привычный, казалось бы, вкус сегодня приобретает привкус горечи. Или прощания.

— Будешь во Владивостоке, — негромко сказала мать, нарушая тишину, — не верь громким словам. Ни победным, ни ласковым. Верь только тому, что можно потрогать руками. Как тесто. Оно или есть, или его нет.

Юкио оторвал взгляд от тарелки. Впервые за день на его лице мелькнуло что-то, похожее на улыбку — тонкую, едва заметную, но искреннюю.

— Я запомню, — ответил он.

Апрельский ветер за окном шевелил ветки сакуры, неся лепестки к дому Танака. Праздничный шум центра Токио был далеким, почти нереальным. В маленькой комнате на татами сидела женщина, провожающая сына в чужую, холодную землю, и молодой человек, который ел последнюю домашнюю еду, не зная, когда сможет вернуться.

Юкио поставил пустую тарелку на стол, аккуратно промокнул губы салфеткой и сложил палочки поперек миски — жестом, означавшим, что трапеза окончена. Мать уже стояла у порога, держа в руках его дорожную сумку из плотной черной кожи и деревянную коробку с гёдза, перевязанную белой хлопковой тканью.

— Не забудь, — тихо сказала она, протягивая ему вещи.

Юкио принял их, чувствуя тяжесть в руках. Сумка весила немного — сменная форма, несколько книг по управлению, блокнот в твердой обложке, куда он записывал свои мысли, и отцовский калькулятор, который он всё же решил взять. На дне лежал завернутый в шелк томик Бодлера — мать не спрашивала, она просто положила его туда, когда он не видел.

Он опустился на колени у порога, надевая туфли. Движения были медленными, почти ритуальными. Японец прощается не спиной к дому. Сначала он приводит себя в порядок, собирает мысли, затем оборачивается лицом к тому, кого оставляет.

Юкио выпрямился, одернул воротник черного мундира и повернулся к матери.

Юи Танака стояла с прямой спиной, руки сомкнуты перед собой. Ее лицо было спокойным, только уголки губ чуть дрожали, когда она смотрела на сына. Никаких лишних слов. Никаких объятий, которые в их доме были редкостью.

— Будь осторожен, Юкио, — произнесла она ровно. — И помни: дом ждет.

Он поклонился. Низко, почтительно, так, как кланяются родителям, уходя на долгую службу. Потом распрямился, взял сумку и коробку и шагнул за порог.

Дверь за ним закрылась с мягким щелчком. Юкио не обернулся.

Улица встретила его шумом праздничного города. Апрельский ветер нес запахи цветущей сакуры, жареного мяса с уличных лотков и бензина. Дом Танака стоял в тихом районе, но стоило выйти на главную артерию, как Токио являл себя во всей своей имперской мощи.

Юкио поднял руку, и через несколько мгновений у тротуара притормозил автомобиль. Это был Toyota Crown — японская гордость, с плавными линиями кузова и хромированной решеткой радиатора, блестящей на весеннем солнце. Таксист, пожилой мужчина с прокуренным голосом и нашивкой на рукаве, вышел открыть багажник.

— На вокзал, господин? — спросил он, заметив форму студента Токийского университета и строгий дорожный вид.

— Да, — коротко ответил Юкио, садясь на заднее сиденье.

Машина тронулась, и город поплыл за окном.

Сначала тянулись кварталы старого Токио — деревянные дома в два этажа, покрытые черепицей, лавки с раздвижными дверями, где торговцы выставили товар прямо на улицу. Надписи на вывесках — японские иероглифы, но иногда в них вкраплялись латинские буквы: реклама сигарет Camel из Тихоокеанских Штатов, яркие плакаты Chevrolet, обещающие свободу передвижения.

Потом начались кварталы новой застройки. Здесь дороги стали шире, светофоры замигали строже. Поток машин был пестрым, как одежда на праздничной толпе.

Рядом с такси, обгоняя его, прошел длинный черный Nissan Cedric — полированный, с затемненными стеклами, наверняка какой-то чиновник из имперской администрации. Впереди, на перекрестке, терпеливо ждал зеленого сигнала грубоватый Ford с квадратными формами и матовой краской — вероятно, из партии, завезенной из Американского Рейха через Тихий океан. Юкио заметил на его двери потертости и пятна соли: машина прошла долгий путь.

Но были и другие.

На соседней полосе медленно тянулся грузовик с непривычно угловатой кабиной. Юкио узнал марку — Владивосток-Авто, модель «Восток-3». Сварной кузов, упрощенные фары, широкие крылья, приспособленные для плохих дорог. Машина была выкрашена в защитный зеленый цвет, но уже изрядно выцвела на солнце. На борту виднелась надпись на двух языках: японском и русском — «Транспортная служба Империи». Такие автомобили собирали на мощностях бывшего завода, доставшегося Японии после раздела. Говорили, что конструкторы взяли за основу и американские, и японские разработки, но получилось что-то свое — грубое, живучее, предназначенное для бескрайних пространств Дальнего Востока. Вскоре, возможно, одна из таких машин будет возить и его.

Потом Юкио увидел нечто совсем уж необычное. С перекрестка, разгоняясь с протяжным гудком, вырулил высокий внедорожник с круглыми фарами и широкой решеткой. Кузов был обшит рифленным железом, а на боку красовалась красная звезда в белом круге — но звезда была не пятиконечной, а восьмилучевой, стилизованной под восходящее солнце. Такие делали в Харбине. Китайский автопром под японским контролем. Машина называлась Харбин-10 — нечто среднее между американским Willys и советским ГАЗом, которые китайские заводы учились копировать еще до войны, а теперь выпускали под присмотром токийских инженеров. Автомобиль выглядел угрожающе, словно созданный не для улиц Токио, а для патрулирования беспокойных границ у реки, где кончалась империя.

— Разномастный народ поехал, — хрипло заметил таксист, поймав взгляд Юкио в зеркале заднего вида. — Вон, из Тихоокеанских штатов машины прут, наши, китайские... Раньше такого не было. А теперь всё смешалось. Победа, она же большая — и дороги большие.

— Вы правы, — вежливо ответил Юкио, но думал о другом.

Город был красив и страшен своей пестротой. Над крышами домов, над башнями деловых кварталов, над старыми храмами, чудом уцелевшими в войнах, развевались багровые знамена с хризантемой. На билбордах сияли лица императора и генералов, призывающих к процветанию Великой Восточной Азии. Люди на улицах улыбались, дети в школьной форме с флажками бежали к парку, где шло празднование. Но Юкио видел и другое: морщинистые лица старух, торопливо переходящих улицу, подальше от шумных компаний военных; очереди у продуктовых лавок, где продавали рис по карточкам; плакаты с надписью «Бдительность — залог победы» на стенах.

Такси выехало на широкий проспект, ведущий к вокзалу. Здесь толпа стала гуще. Мимо проплыла колонна студентов в таких же мундирах, как у Юкио, они скандировали патриотические речевки и размахивали флагами. Кто-то из них, возможно, тоже сегодня получит предписание. Кто-то поедет на восток, кто-то на юг, в бывшие американские территории. Империя росла, и ей требовались молодые, грамотные управленцы.

— Приехали, господин, — сказал таксист, останавливаясь у массивного здания вокзала. — Токийский центральный.

Юкио расплатился, назвав сумму без торга, взял сумку и коробку с едой. Выходя из машины, он задержался на секунду, глядя на фасад вокзала. Красный кирпич, купола, часы, показывающие полдень. У входа толпились люди — военные в форме цвета хаки, чиновники в черных костюмах, женщины с детьми, провожающие мужей. Кто-то плакал, кто-то улыбался сквозь слезы. Паровозный гудок прозвучал где-то вдали, протяжный и низкий, как вздох.

Юкио поправил ремень сумки на плече, чувствуя, как деревянная коробка с материнскими пельменями уютно оттягивает руку. Потом поднял голову, вдохнул полной грудью воздух, пропитанный угольной гарью, цветущей сакурой и чужими надеждами.

Позади остался дом. Впереди был Владивосток — холодный порт на краю земли, где заканчивалась империя и начиналось нечто новое, пугающее и неизбежное.

Юкио шагнул в толпу.

Вокзал Токио гудел, как растревоженный улей. Толпы провожающих, военные патрули у входа, носильщики в синих куртках, лавирующие между пассажиров с тележками, груженными чемоданами и коробками. В воздухе висел плотный запах угля, мазута и человеческого пота, смешанный с ароматом уличной еды, которую продавцы в последний момент совали в руки отъезжающим.

Юкио миновал турникеты, предъявив контролеру свое предписание и студенческий билет. Контролер — пожилой мужчина с нашивками станционной службы — бросил взгляд на документы, потом на лицо Юкио, и едва заметно выпрямился.

— Ваш поезд, господин Танака, — сказал он, возвращая бумаги, — Хаябуса-4. Двадцатый путь. Отправление через двадцать минут.

— Благодарю.

Юкио двинулся дальше, лавируя между людьми. Платформа, куда он вышел, была не похожа на обычные вокзальные перроны. Здесь не было привычной суеты местных электричек. Всё здесь дышало порядком и мощью.

Путь уходил далеко вперед, утопая в стеклянных сводах дебаркадера. Пол под ногами был выложен гладкой каменной плиткой, размеченной желтыми линиями безопасности. И в конце этого пути, на рельсах, сияя полированным металлом и стеклом, стоял Синкансэн четвертого поколения.

Юкио остановился, чтобы рассмотреть его. Он видел такие поезда раньше, конечно, но каждый раз они вызывали в нем сложное чувство — смесь гордости и тревоги. Гордости за то, чего добилась Япония. Тревоги от того, какой ценой и куда это всё ведет.

Поезд был длинным — больше пятнадцати вагонов. Его обтекаемый нос, напоминающий клюв хищной птицы, был окрашен в белый цвет с алой полосой вдоль всего корпуса — цвета имперского флага. Вдоль бортов тянулись надписи: Shinkansen Hayabusa — Токио — Владивосток. Надпись дублировалась иероглифами поменьше: Тōкайдō — Хоккайдō — Сахалин — Приморье.

Империя соединила острова с материком.

Разработки таких поездов начались сразу после победы. Инженеры мечтали о линиях, которые протянутся через океаны, свяжут Токио с Лос-Анджелесом и Сан-Франциско, с Сида-неем и Ванкувером. Но реальность оказалась суровее. Технологии позволяли строить тоннели под водой, но ресурсов на транстихоокеанские магистрали не хватило — экономика молодой империи работала на пределе. Вместо этого построили то, что было нужно здесь и сейчас: сеть, соединившую японские острова с Корейским полуостровом, Маньчжурией, северным Китаем и дальневосточными территориями.

Подводный тоннель под Цугарским проливом, связавший Хонсю и Хоккайдō, стал первым шагом. Второй тоннель, под проливом Лаперуза, соединил Хоккайдō с Сахалином — или Карафуто, как его теперь называли. А оттуда рельсы пошли по бывшему матерiku, через Хабаровск, Уссурийск, до самого Владивостока. И дальше, на север, до Петропавловска-Камчатского — теперь Томиока-Ханто, по имени адмирала, который первым высадил десант на полуострове.

Юкио знал эти названия. Знал, что на картах империи они писались по-японски, но в умах людей, живших там, они всё еще звучали иначе. Русские названия умирали медленно.

— Хаябуса-4 на двадцатый путь, отправление через пятнадцать минут, — объявил голос из громкоговорителя, спокойный и четкий. — Пассажирам на Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Асахикава и Сендай просьба занять свои места.

Юкио двинулся вдоль состава, отыскивая свой вагон. Двери поезда были открыты, стюардессы в белых перчатках и опрятной синей форме встречали пассажиров с идеальными поклонами.

— Ваш билет, господин? — спросила одна из них.

Юкио протянул предписание. Девушка пробежала глазами по строчкам, и её улыбка стала чуть более официальной, почтительной.

— Ваше место в третьем вагоне, купе номер семь. Прошу вас.

Он поднялся внутрь. Салон был безупречен: мягкие кресла, обтянутые темно-синей тканью, идеально ровные ряды, лакированные столики, мягкий свет плафонов. Запах чистоты и нового пластика. Несколько пассажиров уже сидели на своих местах: двое военных в форме полевой администрации, тихо переговаривавшихся у окна; пожилая женщина с корзиной, из которой доносилось кудахтанье; молодой чиновник, погруженный в стопку документов.

Купе Юкио оказалось небольшим, рассчитанным на четверых, но пока он был один. Он поставил сумку на верхнюю полку, коробку с едой поставил на столик у окна и сел, прижавшись лбом к прохладному стеклу.

Снаружи суета платформы продолжалась. Носильщики загружали багаж в специальный отсек в хвосте поезда. Женщина махала платком уходящему мужу. Два офицера в черных мундирах кэмпэйти медленно прохаживались вдоль состава, внимательно оглядывая пассажиров.

Потом раздался сигнал. Короткий, резкий, пронзивший воздух. Двери закрылись с мягким шипением. Голос из динамиков объявил отправление.

Поезд дрогнул. Легко, почти невесомо, словно зверь, пробуждающийся ото сна. А потом начал разгоняться.

Юкио прижался к спинке кресла. Синкансэн набирал скорость с пугающей быстротой. За окном дома Токио слились в цветные полосы, потом превратились в размытые пятна, а затем город исчез, уступив место бесконечным полям и холмам. Стрелка спидометра, вмонтированная в стену купе, показывала 210 километров в час, потом 240, потом 280.

Юкио знал, что эти поезда могли разгоняться и быстрее — до трехсот пятидесяти, если маршрут позволял. Инженеры говорили о четырехстах на испытаниях. Но на обычных линиях скорость ограничивали, чтобы не перегружать пути, проложенные наспех, через вечную мерзлоту и болота бывшей Сибири.

За окном мелькнула станция, слишком быстро, чтобы разобрать название. Потом снова поля, леса, реки. Поезд шел на север.

Юкио закрыл глаза. Под мерный стук колес он думал о том, что в этой скорости было что-то символичное. Империя мчалась вперед, не оглядываясь, не давая себе времени на раздумья. Новые технологии, новые территории, новые имена на старых картах. Всё менялось так быстро, что люди едва успевали привыкнуть к одному порядку вещей, как он уже уступал место следующему.

Он открыл глаза и посмотрел на коробку с гёдза, перевязанную белой тканью. Материнские руки, осторожно заворачивающие края теста. Её голос: «Не верь громким словам». В этом размеренном, привычном жесте было что-то, чего не могла дать никакая скорость.

Поезд нёс его на восток. В город, который когда-то назывался Владивостоком, а теперь значился на картах как Тоёхара — «Богатая равнина». Красивое имя. Слишком красивое для земли, политой кровью.

За окном мелькнул указатель: «Сендай — 15 минут». До Владивостока оставалось еще больше суток пути. Юкио выдохнул, откинулся на спинку кресла и позволил поезду нести его в неизвестность.

Поезд мерно покачивал, набирая крейсерскую скорость. За окном уже мелькали пригороды Сендая — аккуратные рисовые чеки, сменяющиеся пологими холмами, поросшими сосной. Юкио сидел с закрытыми глазами, чувствуя, как напряжение последних дней понемногу отпускает под мерный стук колес.

Мягкий звук раздвигаемой двери заставил его открыть глаза.

В проеме купе стоял мужчина в военной форме. Не полевой, а парадной — темно-зеленый китель с золотыми нашивками на воротнике, нагрудные знаки отличия, которые Юкио не успел разобрать, фуражка зажата под мышкой. Лицо его было смутно знакомым — та особенность, которая бывает, когда видишь человека в новостных сводках или на официальных фотографиях.

— Прошу прощения, — голос военного был ровным, спокойным, с легкой хрипотцой человека, привыкшего отдавать приказы. — Это место занято?

Юкио отрицательно качнул головой, машинально приподнимаясь, чтобы обозначить вежливость.

— Нет, проходите.

Военный скользнул на сиденье напротив, аккуратно положив фуражку на столик и пристроив рядом небольшой кожаный планшет. Движения его были экономными, точными — каждая мышца подтянутого, сухого тела подчинялась воле. Юкио оценил возраст: около сорока, может, сорока пяти. Лицо обветренное, с глубокими морщинами у глаз и плотно сжатыми губами. Но главное — взгляд. Темные, почти черные глаза смотрели внимательно, оценивающе, как смотрят на карту перед боем.

— Кэндзи Танако, — представился он, слегка наклоняя голову. — Полковник имперской армии, отдел по особым поручениям при кабинете губернатора Дальневосточного округа.

Юкио почувствовал, как внутри всё сжалось. Не от страха — скорее от внезапного понимания. Он слышал эту фамилию. Танако. Рука Сорозиро Кабояси.

— Юкио Танака, — ответил он, кланяясь из положения сидя. — Токийский университет, направлен на должность заместителя управляющего Владивостоком.

— Знаю, — просто сказал полковник. Его губы тронула тень улыбки — не насмешливой, скорее усталой. — Я вас ждал. Собственно, потому и сел в этот вагон.

Юкио промолчал, ожидая продолжения. Воспитанный с детства, он знал: когда человек такого уровня сам представляется, лучше не перебивать и не задавать лишних вопросов.

Танако достал из внутреннего кармана портсигар, замер на секунду, глянул на табличку «Не курить», и убрал его обратно. Жест был почти нервным, но сам полковник оставался совершенно спокоен.

— Вы знаете, куда едете, господин Танака? — спросил он, наконец, глядя прямо в глаза.

— Во Владивосток. Тоёхара, — поправился Юкио. — На должность заместителя управляющего.

— Должность — это бумажка, — отмахнулся Танако. — Я спрашиваю — понимаете ли вы, что там происходит?

Юкио выдержал его взгляд.

— Читал сводки. Экономическая интеграция новых территорий идет медленнее, чем планировалось. Местное население — бывшие граждане СССР — оказывает пассивное сопротивление. Перебои с поставками продовольствия в зимний период. Проблемы с китайскими концессиями на границе.

Танако слушал, не перебивая, и чем дольше слушал, тем сильнее в уголках его глаз проступали лучики морщин — то ли одобрение, то ли горечь.

— Вы хорошо подготовлены, — сказал он. — Но это только то, что пишут в официальных сводках. А есть то, о чем не пишут.

Он помолчал, глядя в окно, где за стеклом мелькали однообразные пейзажи северного Хонсю. Потом повернулся обратно, и в его голосе появилась металлическая нотка.

— Я — правая рука господина Кабояси уже семь лет. Сначала в Маньчжурии, потом на Сахалине, теперь во Владивостоке. Я видел, как строят империю. И я видел, как она начинает трещать по швам, когда строители думают не о людях, а о своих карманах.

Юкио почувствовал, как в купе стало теснее. Слова полковника весили больше, чем обычная дорожная беседа.

— Господин Кабояси, — продолжил Танако, понижая голос, — старый человек. Мудрый. Он понимает, что Дальний Восток нельзя удержать только штыками и указами. Нужно понимать, чем дышат люди. Нужно знать, кто из наших же чиновников продает китайцам информацию, кто спекулирует продовольствием, а кто... — он сделал паузу, — кто до сих пор считает, что мы здесь временно.

— Вы говорите о русских? — уточнил Юкио.

— Я говорю о всех, — жестко ответил Танако. — О русских, которые ждут возвращения Москвы. О японцах, которые видят в Дальнем Востоке только возможность наживы. О

китайцах, которые тихо, по капле, высасывают ресурсы с нашей территории, пока мы празднуем победу.

Он откинулся на спинку кресла, и на секунду его лицо стало усталым, почти старым.

— Господин Кабояси запросил из Токио молодого управленца. Не чиновника с продажными связями, не военного с пашкой наголо. А человека, который умеет думать. Который не боится правды. И который... — Танако снова посмотрел на Юкио, — у которого нет клановых интересов на этой территории.

Юкио молчал. Он понимал, что сейчас происходит что-то большее, чем просто знакомство в поезде. Его проверяли.

— Ваш отец, — внезапно сказал полковник, — Кихэй Танака. Он работал в Маньчжурии в тридцатых. Исчез без вести.

Юкио почувствовал, как пальцы сами собой сжались в кулак, но голос остался ровным.

— Да. Моя мать до сих пор ждет его возвращения.

Танако кивнул, и в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Значит, вы знаете, что такое терять. И знаете, что такое ждать. Это важно, господин Танака. Там, куда мы едем, очень много людей, которые потеряли всё. И очень много тех, кто ждет. Если вы сможете это понять — вы сможете управлять.

Он потянулся к планшету, достал оттуда запечатанный конверт с сургучной печатью и положил на столик перед Юкио.

— Это личное письмо от господина Кабояси. Вскроете по прибытии. В нем — ваши реальные полномочия и задачи. То, что написано в официальном предписании, — это для чужих глаз.

Юкио взял конверт. Бумага была плотной, дорогой, сургуч с иероглифом «К» — инициалом Кабояси. Он спрятал письмо во внутренний карман мундира.

— Я понял, господин полковник.

— Хорошо, — Танако поднялся, снова взял фуражку. — До Владивостока еще почти сутки. Я буду в соседнем купе, если понадобится. И еще...

Он задержался у двери, обернувшись.

— В поезде не только мы. Есть те, кому не понравится ваше назначение. Будьте осторожны с разговорами. И никогда не оставляйте свой багаж без присмотра.

Юкио кивнул. Полковник вышел, и дверь за ним закрылась с мягким шелчком.

Тишина в купе стала густой, почти осязаемой. За окном мелькали поля и леса, поезд уверенно несся на север, к тоннелю под проливом, который выведет его на материк. Юкио сидел неподвижно, чувствуя тяжесть письма у сердца.

Рука Сородзиро Кабояси. Проверка. Предупреждение.

Он перевел взгляд на коробку с материнскими пельменями, перевязанную белой тканью. «Не верь громким словам», — сказала она. Полковник Танако не произнес ни одного громкого слова. Только правду, приправленную осторожностью.

Юкио закрыл глаза, но не спал. Он думал об отце, пропавшем в Маньчжурии, о матери, оставшейся в пустом доме в Токио, о городе, который ждал его на востоке.

Поезд мчался вперед, в самое сердце бывшей империи, которую теперь предстояло удерживать.

Юкио слушал, не перебивая. Слова полковника падали в тишину купе тяжелые, как камни.

Артефакт. Завещание Петра Первого. Конец двум империям.

Каждая фраза звучала как заглавие древней легенды, но говорил их не сказитель — человек, который семь лет строил империю своими руками и теперь видел, как фундамент начинает трещать.

— Завещание Петра, — медленно повторил Юкио, пробуя слова на вкус. — Я читал о нем в университете. Некоторые историки считают его легендой, подделкой восемнадцатого века. Другие...

— Другие знают, что оно существует, — перебил Танако, и в его голосе прорезалась усталая резкость. — Наш император, да будет вечно его правление, видел копию. Токийские архивы, захваченные еще в сороковых... там много чего нашлось. И кое-что из этого много чего не дает спать спокойно людям в погонах.

Он провел рукой по лицу, словно стирая усталость, но морщины только углубились.

— Представь себе, Танака. Свиток, где первый русский император пишет своим наследникам: расширяться на восток, через Тихий океан, до американского континента. Не останавливаться ни перед чем. Ибо кто не придет первым — тот будет уничтожен.

— Но это же... — начал Юкио.

— Это паранойя? — усмехнулся Танако. — Возможно. Но посмотри вокруг. Россия разделена, мы победили. Американский Рейх откололся, но не исчез. И там, за океаном, тоже есть люди, которые читают свои старые документы. У них свой «Манифест судьбы». У нас — своя хризантема. И все мы тянем руки к одному и тому же.

Он замолчал, глядя в окно. Поезд проходил мимо небольшой станции, название которой Юкио не успел прочитать. Платформа была пуста, только старуха в потрепанном пальто сидела на скамье с большим изломом, провожая состав взглядом, полным тоски.

— Меня отправляют в Сибирь, — наконец сказал полковник. — Туда, где кончаются наши рельсы и начинается тайга. Говорят, свиток где-то там. Спрятан в старом городе, который мы называем Кандагава, а раньше он назывался... впрочем, неважно.

Он повернулся к Юкио, и впервые за весь разговор молодой студент увидел в глазах военного не сталь, а что-то другое. Усталость. Глубокая, выжженная усталость человека, который слишком много видел.

— Знаешь, что самое забавное? — спросил Танако, и уголки его губ дернулись в подобии улыбки. — Я устал. Не от дороги, не от службы. От войн. От того, что мы победили, а все только начинается.

Он покачал головой, и этот жест был совсем не военным — скорее стариковским, усталым.

— Сейчас мы мчимся во Владивосток строить новую жизнь. А через год, может быть, через два — пойдем на Рейх. Или они на нас. Потому что у них своя мечта, у нас — своя. И эти мечты не уживаются на одной планете.

Юкио молчал. Он чувствовал, что полковник говорит не для него — скорее для себя, выпуская пар, который копился годами.

— Мне сорок семь, Танака, — продолжил Кэндзи. — Я начал войну в Маньчжурии молодым лейтенантом. Думал, что служу великой цели. А теперь... теперь я еду в тайгу искать бумажку, которую какой-то царь написал двести лет назад. Потому что кто-то в Токио решил, что этот свиток может либо объединить нас с Рейхом против общей угрозы, либо... — он сделал паузу, — либо стать поводом ударить первыми.

— И что вы думаете? — тихо спросил Юкио. — Свиток существует?

Танако посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом.

— Существует ли правда? — ответил он вопросом. — Иногда важнее не то, что написано на бумаге, а то, во что люди готовы поверить. Если мы найдем завещание, в котором Петр призывает завоевать мир... Рейх испугается. Или озвереет. И тогда...

Он не договорил. Вместо этого полковник резко поднялся, поправил воротник кителя и взял фуражку.

— Хватит разговоров. Я слишком много сказал. Может, потому что увидел в тебе, Танака, того, кому можно... — он запнулся, подбирая слово, — того, кто поймет.

— Я никому не передам, — сказал Юкио. Это было не обещание — скорее констатация факта.

— Знаю, — кивнул Танако. — Потому и говорю.

Он направился к двери, но задержался на пороге.

— Мы скоро будем в Хигаси-Мори. Это Владивосток. Только не называй его так при людях. Говори Тоёхара, как положено. Но знай — для тех, кто там жил раньше, он навсегда останется Владивостоком. Владеть Востоком. Смешное название для города, который теперь принадлежит нам.

Он усмехнулся, но в усмешке не было радости.

— Разбуди меня, как прибудем. А сейчас я лучше посплю. Устал я, Танака. Устал от всего этого.

Дверь закрылась. Шаги полковника затихли в коридоре.

Юкио остался один в купе, прижимая к груди письмо Кабояси и чувствуя, как поезд набирает скорость, унося его всё дальше на восток.

За окном уже смеркалось. Где-то впереди был тоннель под проливом, потом материк, потом Хабаровск, потом Владивосток. Город, который владел Востоком, пока сам не был захвачен.

Юкио закрыл глаза. Слова полковника крутились в голове, складываясь в мозаику, которую он пока не мог собрать целиком.

Завещание Петра. Конец двум империям. Противостояние с Рейхом. Свиток, который может всё изменить.

Он подумал об отце, пропавшем в Маньчжурии, о матери, которая ждала, о словах, сказанных на прощание: «Не верь громким словам».

Сейчас ему сказали очень много. Возможно, слишком много. И он не знал, какие из этих слов — правда, а какие — часть большой игры, в которую его только что втянули.

Поезд мерно стучал колесами, убаюкивая. Где-то в соседнем купе спал полковник Кэндзи Танака, правая рука Сородзиро Кабояси, человек, который искал древний свиток и боялся того, что может найти.

Юкио потер переносицу, прогоняя сон. Он не спал. Он думал.

А поезд всё мчался вперед, в самое сердце бывшей Российской империи, которая никак не хотела умирать до конца.

Юкио так и не сомкнул глаз в ту ночь.

Поезд нырнул в тоннель под проливом Лаперуза где-то за полночь. Сначала за окном была просто темнота, потом — стены, облицованные бетоном, с мерно пробегающими лампами дневного света. В купе стало тише, только ритмичный стук колес изменил тональность, отражаясь от замкнутого пространства тоннеля. Юкио сидел, прижавшись лбом к прохладному стеклу, и смотрел, как белые прямоугольники света прорезают темноту с интервалом в три секунды. Каждый из них на мгновение освещал его отражение — бледное лицо с темными кругами под глазами.

В соседнем купе было тихо. Полковник Танако либо действительно спал, либо просто не подавал признаков присутствия. Юкио не проверял.

Потом тоннель кончился. Поезд вынырнул на поверхность, и Юкио увидел Сахалин — Карафуто, как теперь называли остров. Здесь было темно, но не той спокойной городской темнотой Токио, а плотной, тяжелой, какой-то первобытной. Луна висела низко, выхватывая из мрака силуэты невысоких сопок, покрытых елью и пихтой. Снега уже не было — апрель добрался и сюда, — но земля казалась промерзшей, серой, нехотя расстававшейся с зимой.

Они проскочили несколько станций, которые Юкио разглядел только по редким огням: Сиритору (бывший Крильон), Томариору (бывший Томари), Отиаи (бывший Долинск). Названия на указателях были уже только японские, но люди, которые выходили на платформах, не похожи были на жителей Токио или Киото. Они двигались медленнее, одежда их была грубее, лица — шире, скуластее. Русские, понял Юкио. Или те, кого еще не успели ассимилировать. Они смотрели на поезд без интереса, как на силу природы, с которой надо мириться, но которую нельзя полюбить.

К утру поезд миновал пролив Невельского, соединяющий Сахалин с материком. Здесь не было тоннеля — только длинный мост, построенный пять лет назад, сразу после победы. Инженеры называли его «Мостом императора Мэйдзи» и гордились им как чудом света. Юкио смотрел вниз, на серую, свинцовую воду, которая билась о сваи, и думал о том, сколько бетона и стали ушло на эту конструкцию. И сколько человеческих жизней.

Материк встретил его другим воздухом. Сухим, колючим, пахнущим хвоей и чем-то еще, чему Юкио не мог подобрать названия — может быть, просторами. За окном потянулись бесконечные леса, перемежающиеся редкими полями, где уже начинались посевные работы. Тракторы, которые Юкио видел вдалеке, были странной смесью японских Komatsu и каких-то грубых, угловатых машин, собранных явно на местных заводах.

Потом пошли города.

Первый крупной остановкой был Хабаровск. На картах империи он значился как Хабаробура, но местные, как успел заметить Юкио, называли его по-старому. Поезд стоял здесь двадцать минут, и Юкио вышел на платформу размять ноги.

Утро было холодным, но солнечным. Вокзал Хабаровска был массивным, из красного кирпича, с высокой башней, на которой вместо прежнего советского герба теперь висела хризантема. На перроне суетились люди: военные в форме имперской армии, гражданские чиновники в черных костюмах, крестьяне с узлами, торговцы с тележками, на которых дымился чай и лепешки. Язык, который Юкио слышал вокруг, был смесью — японский, русский, что-то еще, неразборчивое, рожденное на стыке культур.

— Господин! — окликнул его мальчишка-носильщик, на вид лет двенадцати, в слишком большой куртке и с кепкой набекрень. — Купить пирожки? С мясом! Свежие!

Юкио остановился. Мальчишка говорил по-японски, но с тяжелым акцентом, проглатывая окончания.

— Сколько? — спросил Юкио.

— Десять иен!

Юкио протянул монету, взял горячий, завернутый в газету пирожок. Откусил. Тесто было грубым, начинка — рубленое мясо с луком и перцем. Не ники-ман, который он знал, а что-то другое, более простое, но сытное. Вкус был чужим, но не неприятным.

— Ты местный? — спросил Юкио у мальчишки.

Тот кивнул, сжимая монету в кулаке.

— Отец на войне пропал. Мать работает на складе. Я помогаю.

— Где отец пропал?

Мальчишка пожал плечами, но глаза его стали осторожными.

— На западе. Говорят, там еще воюют. За Екатеринбургом. Рейх... — он запнулся, словно сказал лишнее.

Юкио не стал расспрашивать. Он доел пирожок, бросил газету в урну и вернулся в вагон, чувствуя на спине взгляд мальчишки.

Поезд тронулся.

Дальше путь шел на юго-восток, вдоль Уссурийской железной дороги. За окном пейзаж менялся медленно. Леса становились гуще, потом снова уступали место полям и редким деревьям. Юкио смотрел на дома — деревянные, рубленые, с резными наличниками, которые казались здесь чужими и дикими. На крышах многих домов висели японские флаги — по приказу властей, понял Юкио, но флаги были выцветшими, потрепанными, словно их повесили давно и больше не меняли.

В одном месте поезд замедлил ход, проходя мимо кладбища. Оно тянулось вдоль путей на сотни метров — деревянные кресты, покосившиеся оградки, редкие памятники с красными звездами. Юкио заметил, что некоторые могилы были свежими, с венками из пластиковых цветов. А на самом краю кладбища стоял новый обелиск — черный камень с японскими иероглифами. «Павшим воинам Великой Восточной Азии». Русские могилы и японский памятник. Жизнь и смерть, перемешавшиеся в этой земле так плотно, что уже нельзя было разобрать, где чье.

Потом пошли сопки. Они становились всё круче, ближе, словно сопровождали поезд, провожая его к конечной цели. В распадках между ними Юкио видел поселки — несколько десятков домов, магазин, школу. Иногда — заводскую трубу, выпускавшую белый пар в серое небо. Надписи на зданиях были на двух языках, но японские всегда сверху, русские — мельче, будто нехотя.

Ближе к полудню поезд прошел Уссурийск. Здесь была большая сортировочная станция, и Хаябуса замедлил ход, пропуская товарные составы. Юкио смотрел, как мимо проплывают

платформы с лесом, углем, контейнерами, на которых было написано Тоёхара, Токио, Осака, а иногда — латиницей: San Francisco, Seattle. Торговля с Тихоокеанскими Штатами шла через Владивосток, и Юкио вдруг остро почувствовал, что едет не на окраину, а в сердце новой экономики. Город, который владел Востоком. Теперь он владел и проливами, и путями, и связями между осколками старого мира.

За Уссурийском местность стала ровнее. Лес отступил, уступив место полям, а потом — предместьям. Юкио увидел первые многоэтажные дома — серые бетонные коробки, построенные, видимо, еще при русских, и новые кварталы, аккуратные, с черепичными крышами, возведенные японскими строительными компаниями. Между ними зияли пустыри, заросшие бурьяном, и ржавели остовы недостроенных зданий — напоминание о том, что война здесь закончилась не так давно.

Поезд снова замедлил ход. В проходе зашуршали шаги, кто-то из пассажиров начал собирать вещи.

Юкио выглянул в окно. Вдали, на горизонте, он увидел море. Серое, холодное, с тяжелыми волнами, которые бились о береговые укрепления. А над морем, на высоких сопках, раскинулся город.

Он был огромен. Больше, чем Юкио ожидал. Амфитеатром спускался к бухте, утыканный портовыми кранами, трубами, антеннами. Старые русские здания из серого камня соседствовали с новыми японскими постройками из стекла и бетона. Золотые купола православной церкви, которую, как знал Юкио, превратили в музей имперской экспансии, тускло блестели на солнце. А на самой высокой точке города, над вокзалом, реяло огромное багровое полотнище с хризантемой.

Юкио перевел взгляд ниже, на указатель при въезде в город. На нем было два названия. Крупно, японскими иероглифами: Тоёхара — Столица Дальневосточного Округа. А ниже, мельче, словно по ошибке забытая кем-то: Владивосток.

Он усмехнулся. Город не сдавался даже в названии.

Поезд начал тормозить. Сзади послышалось движение, и в дверях купе появился полковник Танако. Он был в форме, свежий, словно и не спал всю ночь, но Юкио заметил мешки под его глазами.

— Приехали, Танака, — сказал полковник, поправляя фуражку. — Добро пожаловать в столицу Дальнего Востока.

Он посмотрел на Юкио с любопытством, оценивая реакцию.

— Нервничаешь?

— Нет, — ответил Юкио, и это было правдой. Он не нервничал. Он чувствовал что-то другое — странное, почти незнакомое. Возбуждение? Предчувствие? Или просто ветер, который дул с моря и бил в стекло, обещая перемены.

— Зря, — усмехнулся Танако. — Нервничать полезно. Держит в тонусе.

Поезд дернулся в последний раз и остановился. За окном поплыла платформа, люди, сумки, военный патруль у выхода, женщины с цветами — кто-то встречал, кого-то провожали.

Юкио поднялся, взял сумку и коробку с пельменями, которые мать заботливо упаковала. Взглянул в окно в последний раз.

Город спускался к морю, огромный, чужой, непохожий на всё, что он знал. Город, который называли Владивосток и Тоёхара. Город, который пережил войны, разделы, и теперь ждал нового хозяина. Или нового слугу.

— Пошли, Танака, — сказал Кэндзи из коридора. — Нас встречают.

Юкио шагнул за порог купе. Позади остался Токио, мать, дом, праздничный шум, пестрый автопром и уютные улицы. Впереди было холодное море, высокие сопки и город, где заканчивалась одна империя и начиналась другая.

Он вышел из вагона и вдохнул воздух Владивостока. Солёный, холодный, пахнущий водорослями, рыбой и чем-то еще, неуловимым — может быть, свободой. Или тоской. Он еще не мог различить.

Глава 2 Владивосток

Глава 2 Владивосток

Юкио ступил на перрон Владивостока — *Тоёхары* — и первое, что ударило по нему, был не холодный ветер с моря, а звук. Город гудел. Не праздничным гулом Токио, где каждый звук подчинен порядку и гармонии, а низким, протяжным, индустриальным рокотом, который чувствовался не столько ушами, сколько грудной клеткой.

Вокзал был массивным сооружением из серого камня с высокой аркой и башней с часами. Когда-то, еще при русских, он считался одним из самых красивых в империи. Теперь над аркой висела хризантема, а у входа стояли два часовых в форме имперской армии с карабинами наперевес. Но стены помнили другое. Юкио заметил, что кое-где старая штукатурка была сбита, обнажая кирпич, а новые японские панели крепились поверх старого камня, словно повязка на незаживающую рану.

— Не отставай, Танака, — бросил Кэндзи, уже шагая к выходу с платформы. Полковник двигался уверенно, как человек, которому этот город знаком до последней трещины на асфальте.

Они вышли на привокзальную площадь. И здесь Юкио остановился, чтобы осмотреться.

Площадь была огромной, залитой серым апрельским светом. В центре ее стоял памятник — высокий обелиск из красного гранита, на вершине которого вместо прежней советской звезды теперь сияла позолоченная хризантема. У подножия лежали свежие венки — кто-то отмечал праздник даже здесь, на краю земли.

А вокруг кипела жизнь.

Машины. Их было много, и они были странными. Юкио увидел старенькие *ГАЗ-51* с квадратными кабинами, которые, казалось, выехали напрямик из прошлой эпохи — их использовали как грузовики, развозящие товар по ларькам. Рядом с ними, на светофоре, терпеливо ждал зеленого света новенький *Харбин-12* — китайский седан с плавными линиями кузова, хромированной решеткой и большими фарами, которые делали его похожим на американские автомобили конца пятидесятых. Но если присмотреться, детали были грубоватыми, сварные швы — заметными, краска — не идеальной. Китайцы учились, тестировали, пробовали. В воздухе пахло бензином и горячим металлом.

Потом проехал *Владивосток-Авто*, модель «Восток-5» — уже не та угловатая, как та, что Юкио видел в Токио. Этот был обтекаемее, с покатою крышей и широкими крыльями. Дизайн пытался догнать время, но где-то в пропорциях чувствовалась та же основа — советский ГАЗ, перекроенный японскими инженерами. На дверце красовалась эмблема: стилизованная волна и восходящее солнце. Местное производство. Свое.

Попадались и чисто японские машины — *Toyota, Nissan, Mitsubishi* — они выглядели здесь как пришельцы из другого мира, слишком гладкие, слишком блестящие на фоне серых улиц. Но их было немного. Империя не успевала насытить Дальний Восток своей техникой, и пустоту заполняли китайцы, местные заводы, а иногда — старье, оставшееся от русских.

— Идем, — поторопил Кэндзи, и Юкио зашагал следом.

Город открывался ему постепенно, квартал за кварталом.

Центр был парадным. Здесь японские строители развернулись в полную силу. Широкие проспекты, вымощенные гладкой плиткой, фонарные столбы из полированного алюминия, здания в стиле «имперский модерн» — с фасадами из светлого камня, большими окнами и черепичными крышами. На перекрестках висели светофоры с японскими иероглифами и дублиру-

ющими надписями латиницей. Рекламные щиты призывали покупать технику *Toshiba*, чай *Ito En*, автомобили *Nissan*. На одном из зданий огромный экран (Юкио никогда не видел таких больших) показывал новостную сводку — император в Токио открывает новую верфь, экономический рост, стабильность, процветание.

Но стоило свернуть в боковой переулок, и картина менялась.

Там стояли русские дома — массивные сталинские постройки с лепниной на фасадах, которая местами облупилась, обнажая арматуру. Между ними — деревянные бараки, покосившиеся, с наспех заколоченными окнами. И над всем этим — бельевые веревки, протянутые между домами, старые вывески, где японские иероглифы были написаны поверх русских слов краской, которая уже выцвела.

Юкио читал вывески, пока они шли. *Продукты* — по-русски, и *Сёмон ханбайтэн* — по-японски, и почему-то *##* — по-китайски. Вход в одно здание, а языков три. Кварталы менялись с калейдоскопической быстротой: вот район, где почти все вывески на русском, и женщины в платках сидят на лавках у подъездов; вот квартал, застроенный аккуратными японскими домами с садиками перед входом; вот улица с корейскими надписями и запахом *кимчи* из открытых окон; вот китайский рынок, где торгуют всем — от шелка до поддельных часов *Seiko*.

— Владивосток всегда был городом смешанным, — сказал Кэндзи, заметив, как Юкио крутит головой. — При русских здесь жили китайцы, корейцы, японцы. Теперь просто поменились хозяева, и пропорции сместились. Но город остался собой. Он никогда не будет чисто японским, Танака. И тот, кто попытается сделать его таким, проиграет.

Юкио промолчал, но запомнил слова.

Они вышли на центральную площадь. Здесь было просторно, чисто, и чувствовалась рука имперской администрации. Здание администрации Дальневосточного округа занимало целый квартал. Оно было построено в стиле, который Юкио узнал сразу: типичная японская правительственная архитектура семидесятых годов. Массивное, монолитное, из серого железобетона, с широкими ступенями, ведущими к главному входу, и фасадом, расчерченным на строгие геометрические секции. Огромные флаги Империи свисали с флагштоков, колыхаясь на ветру. Перед зданием стояли полированные черные *Nissan President* — автомобили высших чиновников, и группа военных в парадной форме курила у входа, поглядывая на прохожих.

— Господин Кабояси ждет, — сказал Кэндзи, поднимаясь по ступеням. — Но сначала — тебя надо привести в порядок. Идем.

Они вошли внутрь.

Вестибюль был огромным, двухсветным, с мраморным полом и колоннами, облицованными темным деревом. На стенах — портреты императора Хирохито, карты Дальневосточного округа с пометками, доски почета с фотографиями лучших работников. Охранники в черных костюмах проверяли пропуска, чиновники с папками сновали между лифтами, воздух гудел кондиционерами и телефонными звонками.

Юкио чувствовал себя чужим в своей студенческой форме. Здесь все носили строгие костюмы, темные, официальные. Он был младше всех, кого видел, и это чувство возраста — не прожитых лет, а опыта, который ему только предстояло набрать, давило на плечи.

Кэндзи провел его через череду коридоров, мимо кабинетов с табличками, мимо секретарш, которые поднимали головы и с любопытством смотрели на молодого человека в черном мундире. Наконец они остановились у неприметной двери в конце длинного коридора.

— Здесь твой кабинет, — сказал Кэндзи, открывая дверь. — Временный. Пока не устроишься, пока не найдешь жилье. Потом, если господин Кабояси будет доволен, получишь что-то лучше.

Юкио вошел внутрь.

Комната была небольшой, но опрятной. Стол, кресло, стул для посетителей, телефон, настольная лампа, карта города на стене. Из окна открывался вид на порт — серую воду, краны, суда, которые стояли у причалов, загружая и разгружая контейнеры. И дальше, за бухтой, — сопки, поросшие лесом, и на самой высокой из них — японский флаг, развевающийся на ветру.

Кэндзи прошел к окну, встал рядом.

— Видишь? — спросил он, кивнув на порт. — Каждый день сюда приходят суда из Токио, Осаки, Шанхая, Пусан, Сан-Франциско. Каждый день отсюда уходят поезда в Москву — туда, где сейчас Рейх. Город живет торговлей, производством, портом. Это не просто административный центр, Танака. Это сердце всего Дальнего Востока. И тот, кто управляет этим сердцем...

Он не договорил. Повернулся к Юкио, и в его взгляде снова появилась та тяжелая, усталая серьезность, которую молодой студент уже видел в поезде.

— Господин Кабояси примет тебя через час. Пока приведи себя в порядок. В шкафу — форма чиновника имперской администрации. Размер должен подойти. Поменяй.

Юкио кивнул. Кэндзи направился к двери, но задержался на пороге.

— И, Танака... — он обернулся, и в его голосе проскользнуло что-то, похожее на сочувствие. — Запомни: в этом городе у тебя нет друзей. Есть союзники, есть враги, есть те, кто просто ждет, на чью сторону ты встанешь. Будь вежлив со всеми, но не доверяй никому. Даже мне.

Дверь закрылась.

Юкио остался один в маленьком кабинете, глядя на порт, на корабли, на серое море, которое билось о набережную. Где-то там, за горизонтом, был Токио, мать, дом, праздник, который он оставил позади. Здесь было другое — холодное, тяжелое, настоящее.

Он открыл шкаф. Там висела форма — темно-синий китель со стоячим воротником, серебряные пуговицы, значки, нашивки. На столе лежала стопка бумаг, первая из тысяч, которые ему предстояло подписать. Телефон молчал. Карта города смотрела на него чужими названиями.

Юкио снял студенческий мундир, аккуратно повесил его на спинку стула. Потом надел новый. Китель сидел хорошо — плотно, по фигуре, как будто шили на заказ. Он застегнул пуговицы, поправил воротник, посмотрел на себя в маленькое зеркало на стене.

Из отражения на него смотрел чужой человек. Чиновник имперской администрации. Заместитель управляющего городом и всем Дальним Востоком. Двадцать четыре года, ни дня опыта, и груз ответственности, который мог сломать кого угодно.

Юкио поправил галстук, глубоко вдохнул и вышел из кабинета.

Через час ему предстояла встреча с Сородзиро Кабояси, человеком, который правил этой землей. И от того, как пройдет эта встреча, зависело всё.

Секретарша встретила его у дверей кабинета. Женщина лет тридцати, в строгом темно-синем костюме, с гладко зачесанными черными волосами и внимательными карими глазами. Она была японкой, но говорила с легким, едва уловимым акцентом — возможно, родилась здесь, на материке, и японский был для нее вторым языком, даже если она носила форму имперской администрации.

— Господин Танака? — она склонилась в вежливом поклоне. — Проходите. Господин Кабояси ожидает вас.

Она открыла тяжелую дверь из темного дерева и жестом пригласила его внутрь.

Юкио шагнул через порог и на мгновение замер.

Кабинет не был похож на те официальные помещения, мимо которых они проходили. Здесь не было массивной мебели из железобетонного модерна, не было портретов императора на каждой стене, не было карт с пометками и флажков. Вместо этого — просторная комната, выдержанная в традиционном японском стиле. Татами на полу, низкий стол из темного дерева, в углу — икебана с ветками сакуры, которые, несмотря на апрель, казались свежими, будто только что срезанными. На стене — каллиграфический свиток с одним иероглифом: *Ва*

— гармония. И рядом с ним — полка с книгами. Не официальными отчетами и сводками, а старыми, потрепанными томами. Юкио успел заметить корешки на японском, китайском, несколько книг на русском, которые он не смог прочитать, и — его сердце на мгновение сбилось с ритма — томик Бодлера. Такой же, как тот, что мать положила на дно его сумки.

Но главным был не кабинет. Главным был человек, который сидел за низким столом на подушке, держа в руках чашку чая.

Сородзиро Кабояси.

Юкио видел его фотографии в газетах, читал статьи о его назначении, слышал, как о нем говорили в университете — шепотом, с уважением и страхом. Но фотографии не передавали главного.

Кабояси было около шестидесяти, но выглядел он моложе. Высокий для японца, широкоплечий, с идеально прямой спиной — выправка, которая не достается по наследству, а вырабатывается годами дисциплины. Волосы его были седыми, коротко стриженными, лицо — суровым, с глубокими морщинами у рта и тяжелыми веками, которые придавали ему вид человека, привыкшего принимать решения и не оглядываться на последствия. Но глаза... глаза были другими. Темные, глубокие, они смотрели на Юкио с выражением, которое молодой студент не мог сразу распознать: то ли оценивающим, то ли... печальным.

— Входи, Юкио Танака, — голос Кабояси был низким, спокойным, без тени той официальной напыщенности, которую Юкио ожидал. — Садись. Чай будешь?

Юкио опустился на колени напротив, поклонился так низко, как требовал этикет при встрече с человеком такого ранга.

— Благодарю вас, господин губернатор. Буду признателен.

Кабояси кивнул секретарше, и та бесшумно поставила перед Юкио чашку. Потом так же бесшумно удалилась, закрыв за собой дверь.

Какое-то время они пили чай в молчании. Юкио не знал, нарушать ли тишину, и просто сидел, держа чашку в обеих руках, чувствуя, как тепло распространяется по пальцам. Чай был горьковатым, с легким дымным привкусом — не тот, что подают в Токио. Свой. Местный.

— Ты знаешь, почему я попросил тебя приехать? — наконец спросил Кабояси, ставя чашку на стол.

— Не полностью, господин губернатор, — ответил Юкио, поднимая глаза. — Предписание говорит о должности заместителя управляющего. Полковник Танака упомянул, что вы ищите... человека, способного думать.

Кабояси усмехнулся. Усмешка была короткой, почти незаметной, но она изменила его лицо — на мгновение суровость отступила, и Юкио увидел под ней что-то другое. Усталость? Иронию? Может быть, и то, и другое.

— Кэндзи много говорит. Это его слабость. Но в этом он прав — мне нужен человек, который умеет думать. Не исполнять приказы, не кланяться начальству, не искать выгоды. А думать. Понимаешь, о чем я?

— Думаю, да, — осторожно ответил Юкио.

— Хорошо. — Кабояси протянул руку к полке, стоящей рядом с ним, и взял с нее небольшую, потрепанную книгу в синем переплете. Юкио узнал ее. *И Цзин*. Книга Перемен. — Ты знаешь этот текст?

— Знаю, — кивнул Юкио. — В университете изучали древнюю философию.

— И что ты о нем думаешь?

Вопрос застал врасплох. Юкио ожидал вопросов об экономике, о планах развития, о его образовании, о политической лояльности. Но о Книге Перемен?

— Я... — он замялся, подбирая слова. — Думаю, что это не столько книга предсказаний, сколько книга о том, как находить путь в меняющемся мире. Она учит, что перемены неизбежны, и задача мудрого — не сопротивляться им, а понимать их природу.

Кабояси смотрел на него внимательно, не перебивая. Потом медленно кивнул.

— Не сопротивляться переменам, а понимать их природу, — повторил он, словно пробуя слова на вкус. — Хорошо сказано. Твой дед, Танака, тоже так думал.

Юкио почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Вы знали моего деда? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Знал. Мы работали вместе в Бурятии. Это было... — Кабояси прикрыл глаза, вспоминая, — это было задолго до войны. Он был ученым. Изучал местные народы, их обычаи, их язык. Говорил, что понять эту землю можно только через тех, кто на ней живет. Не через карты и не через указы. А через людей.

Он открыл глаза и посмотрел на Юкио с выражением, которое молодой студент наконец смог распознать. Испытание. Но не то, которое проводят чиновники, проверяя лояльность. Другое. Более глубокое.

— Твой дед исчез в тридцать седьмом. Как и многие тогда. Его объявили врагом народа — русские, конечно. Но я думаю, он просто слишком много знал. И слишком много понимал. Это всегда опасно, Танака. Понимать.

Он помолчал, и тишина в комнате стала густой, почти осязаемой.

— Твой отец, Кихэй, пошел по другому пути. Он уехал в Маньчжурию строить новую жизнь. Думал, что если работать на империю, то можно защитить семью. Он ошибся. Маньчжурия сожрала его, как сожрала многих. Империя не умеет быть благодарной, Танака. Она берет и не отдает.

Юкио сидел неподвижно, сжимая чашку с остывшим чаем. Слова Кабояси падали на него, как камни, каждый — тяжелый, острый, оставляющий след.

— Вы знаете, что случилось с моим отцом? — спросил он, и голос его прозвучал глухо.

— Знаю, что он пропал. Как и многие. Может быть, он жив, может быть, нет. Но я не буду тебе врать, Танака. Я не знаю, где он. И вряд ли узнаю. Но я знаю другое.

Кабояси отодвинул чашку, положил руки на стол, и в этом жесте вдруг проступила не власть, а что-то человеческое, почти уязвимое.

— Я знаю, кто ты. Сын Кихэя, внук ученого, который понимал эту землю. Мальчик из Токио, который вырос без отца, но с матерью, которая научила его не верить громким словам. — Юкио вздрогнул, и Кабояси заметил это, уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. — Да, я знаю о твоей матери. Я много о тебе знаю, Юкио Танака. Потому что прежде чем пригласить человека на такую должность, я должен понять, кто он.

— И что вы поняли? — спросил Юкио, глядя прямо в глаза губернатору.

Кабояси смотрел на него долго, очень долго. Потом открыл *И Цзин* на заложенной странице, провел пальцем по иероглифам и прочитал:

— *Перемены приходят. Мудрый не боится их, но готовится. Ибо в переменах — и гибель, и спасение.*

Он закрыл книгу.

— Я понял, Танака, что ты — человек, который не боится перемен. Иначе ты не сел бы в этот поезд. Я понял, что ты ищешь правду, а не выгоду. Иначе ты остался бы в Токио, где твоя фамилия и твое образование открыли бы любые двери. Я понял, что ты — тот, кто сможет увидеть этот город не глазами чиновника из метрополии, а глазами... — он запнулся, подбирая слово, — глазами человека, который готов понять.

Он поднялся. Жест был неожиданным, но плавным — Кабояси двигался с грацией человека, который сохранил тело в порядке, несмотря на возраст. Он прошел к окну, которое выходило не на порт, как кабинет Юкио, а на город — на крыши, на улицы, на кварталы, теснившиеся у подножия сопок.

— Посмотри, — сказал он, не оборачиваясь. — Что ты видишь?

Юкио поднялся, подошел и встал рядом, на расстоянии, которое этикет считал допустимым.

Он видел город. Весь. Проспекты и переулки, новые кварталы и старые бараки, порт и железнодорожные пути, японские вывески и русские церкви. Он видел людей — маленькие фигурки, которые двигались по улицам, как муравьи. Кто-то спешил на работу, кто-то торговал на рынке, кто-то стоял в очереди у продуктового магазина. Русские, японцы, корейцы, китайцы — все вместе, в одном городе, на одной земле.

— Я вижу город, который пытается стать новым, — сказал Юкио после долгой паузы. — Но который не забыл, кем был.

Кабояси повернулся к нему. В его глазах не было суровости — была печаль. Глубокая, тяжелая печаль человека, который видел слишком много, чтобы верить в легкие ответы.

— Ты прав, — тихо сказал он. — Этот город не забыл. И никогда не забудет. Русские, которые здесь живут, помнят свои имена, свои улицы, свои дома. Корейцы, которых мы переселили сюда после раздела, помнят, что их родина разделена. Китайцы, которые торгуют на каждом углу, помнят, что когда-то эта земля принадлежала их императорам. А мы, японцы... мы думаем, что победили. Но победили ли мы на самом деле?

Он покачал головой, и в этом жесте Юкио увидел то же, что и в словах полковника Танако в поезде. Усталость. Не от работы — от понимания.

— Я сижу здесь, в этом кабинете, управляю территорией от Урала до Тихого океана, — продолжил Кабояси, возвращаясь к столу. — Ко мне приходят люди. Русские генералы, которые перешли на нашу сторону. Корейские бизнесмены, которые строят заводы. Китайские торговцы, которые везут товары. Японские чиновники, которые хотят выслужиться. Все они кланяются, все они говорят о процветании, о великой империи, о будущем. Но никто из них не говорит о том, что происходит на самом деле.

Он сел на подушку, жестом приглашая Юкио сделать то же самое.

— Полковник Танако сказал тебе о завещании Петра?

— Да, — кивнул Юкио. — Он сказал, что его отправляют на поиски. И что это может привести к конфликту с Рейхом.

— Может, — Кабояси взял в руки *И Цзин*, погладил потрепанный переплет. — А может, и нет. Дело не в свитке, Танака. Дело в том, что мы все стоим на пороге. Империи, которые мы построили, — Япония, Американский Рейх, остатки России — они не могут существовать вечно. Мир слишком мал для трех хищников. И вопрос не в том, начнется ли новая война. Вопрос в том, когда и кто нанесет первый удар.

Он помолчал, глядя на книгу в своих руках.

— Я старый человек, Танака. Я видел, как умирала Россия. Я видел, как рождалась наша империя. Я видел, как Америка разорвала сама себя на три части. И знаешь, что я понял за эти годы?

— Что, господин губернатор?

— Что все эти империи, все эти границы, все эти флаги — они ничего не стоят, если люди не понимают друг друга. — Кабояси поднял глаза. — Твой дед понимал это. Он знал, что Бурятия — это не просто земля, которую можно захватить и переименовать. Это люди. Их вера, их язык, их память. И пока жива память — жив народ. А пока жив народ — империя, которая его завоевала, не будет спать спокойно.

Юкио молчал. Слова губернатора были тяжелыми, но в них не было фальши. Он чувствовал это — чувствовал, что человек, сидящий напротив, говорит не для протокола, не для того, чтобы проверить его лояльность. Он говорил, потому что хотел, чтобы кто-то понял.

— Почему вы выбрали меня? — спросил Юкио наконец. — Почему не кого-то из местных, не опытного чиновника, не военного?

Кабояси усмехнулся, и в усмешке этой вдруг проступило что-то почти доброе.

— Потому что опытные чиновники уже продались. Военные думают только о войне. Местные... — он покачал головой, — местные слишком много пережили, чтобы видеть дальше своего квартала.

Он положил *И Цзин* на стол, накрыл ладонью.

— А ты — чистый лист, Танака. У тебя нет долгов в этом городе, нет врагов, нет союзников. Ты не знаешь, кому можно верить, а кому нет. И это твое преимущество. Ты увидишь этот город таким, какой он есть. А не таким, каким его хотят видеть другие.

Он помолчал, и в тишине комнаты Юкио услышал далекий гудок корабля — низкий, протяжный, как вздох.

— Я хочу, чтобы ты помог мне понять, — сказал Кабояси, и в его голосе вдруг проступила та усталость, которую он так старательно скрывал. — Понять, что происходит на этой земле. Понять, чего хотят люди. Понять, можно ли построить здесь что-то, что просуществует дольше, чем мы с тобой.

Он посмотрел на Юкио, и в его взгляде не было ничего от сурового губернатора, которого боялись чиновники и военные. Был старый человек, который слишком много видел и слишком много потерял, чтобы верить в легкие ответы.

— Твой дед говорил, что понять эту землю можно только через тех, кто на ней живет. Я хочу, чтобы ты попробовал. Иди, смотри, слушай. Не верь докладам, не верь цифрам. Верь людям. А когда поймешь — приходи ко мне. И скажи, что ты увидел.

Юкио склонился в низком поклоне.

— Я сделаю всё, что в моих силах, господин губернатор.

— Знаю, — тихо сказал Кабояси. — Потому и выбрал тебя.

Он поднялся, давая понять, что аудиенция окончена. Юкио встал, собираясь уходить, но на пороге губернатор остановил его.

— Танака... — голос Кабояси был спокойным, но в нем чувствовалась сталь. — В этом городе у тебя не будет друзей. Запомни это. Но я... я хочу, чтобы ты знал: мой кабинет всегда открыт для тебя. Не для чиновника, не для заместителя управляющего. Для сына Кихэя. Для внука человека, который научил меня видеть дальше собственного носа.

Юкио обернулся. В глазах Кабояси не было ни лукавства, ни расчета. Было что-то, чего он не ожидал увидеть в глазах человека, стоявшего на вершине власти. Человечность.

— Благодарю вас, господин губернатор, — сказал Юкио, и его собственный голос прозвучал тише, чем он хотел.

Он вышел в коридор, где его ждала секретарша. Она посмотрела на него с любопытством, но ничего не спросила, только указала направление к его кабинету.

Юкио шел по длинному коридору, и слова Кабояси крутились в его голове. О деде, который понимал эту землю. Об отце, который ошибся. О городе, который не забыл. О свитке, который мог изменить всё.

Он остановился у окна, посмотрел на улицы, на кварталы, на людей, которые жили своей жизнью, не зная, что где-то наверху, в кабинете старого губернатора, только что решилась судьба молодого чиновника из Токио.

«Иди, смотри, слушай», — сказал Кабояси.

Юкио поправил воротник нового кителя, глубоко вдохнул и направился в свой кабинет. Завтра начиналась настоящая работа.

на следующей день его будят испугались за него. когда один из сотрудников хотел занести к нему документы с которыми он должен будет работать среди них была послание чтобы он спустился в архив.

Первый луч солнца пробился сквозь неплотно задернутую занавеску и упал прямо на лицо Юкио. Он не пошевелился. Сон был глубоким, без сновидений, — тем спасительным забытием, которое приходит только когда тело и разум достигают предела.

В дверь постучали. Один раз. Второй. Тишина.

— Господин Танака? — голос за дверью был неуверенным, почти шепотом. — Господин Танака, вы там?

Никакого ответа.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул молодой человек в очках, в форме младшего сотрудника администрации. Его звали Кэнтаро — Юкио видел его мельком вчера, когда проходил по коридору. Кэнтаро держал в руках стопку папок, перевязанных бечевкой, и выглядел так, будто только что наткнулся на нечто, нарушающее все мыслимые правила приличия.

Он увидел Юкио, склонившегося над столом, головой на сложенных руках. Форма измята, воротник сбился, лицо бледное, почти серое в утреннем свете.

— Господин Танака! — голос Кэнтаро сорвался на фальцет. Он обернулся в коридор, где маячила фигура секретарши — той самой женщины тридцати лет, что вчера открывала перед ним дверь Кабояси. — Сатоко-сан, он... он не двигается!

Секретарша вошла в кабинет быстрым, бесшумным шагом. Ее лицо, обычно невозмутимое, на мгновение дрогнуло. Она подошла к столу, осторожно коснулась плеча Юкио.

— Господин Танака, — сказала она тихо, но твердо. — Проснитесь.

Юкио дернулся, словно от удара. Голова поднялась, глаза распахнулись — мутные, непонимающие. Он моргнул раз, другой, пытаясь понять, где находится. Стол. Папки. Карта на стене. Чужой кабинет. Чужой город.

— Что... — начал он, и голос его прозвучал хрипло, как у человека, который долго молчал.

— Вы уснули за столом, — сказала секретарша, и в ее голосе промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее укоризну, но приглушенное вежливостью. — Сотрудники испугались, когда вы не ответили на стук. Решили, что... — она не договорила, оставив концовку висеть в воздухе.

«Что я умер», — мысленно закончил Юкио. Он провел рукой по лицу, стирая остатки сна. Шея затекла, спина болела, во рту было сухо, как в пустыне.

— Я в порядке, — сказал он, выпрямляясь. — Просто... дорога была долгой.

Кэнтаро, стоявший за спиной секретарши, облегченно выдохнул и переступил с ноги на ногу, сжимая папки так, что бечевка впивалась в пальцы.

— Я принес документы, господин Танака, — сказал он, чуть кланяясь. — Те, с которыми вы должны будете работать. Еженедельные сводки по порту, отчеты по продовольственному снабжению, списки назначений, финансовые ведомости...

Он выложил папки на край стола, одну за другой, и в этом жесте было что-то от того, как собака приносит брошенную палку, — старательно, с надеждой на одобрение.

Юкио смотрел на гору бумаг, и чувство, которое он испытывал, нельзя было назвать иначе, чем легким ужасом. Он учился управлению в университете, читал книги, разбираал кейсы. Но это — живые цифры, реальные проблемы, город, который ждал решений — было другим. Осязаемым. Тяжелым.

— И еще... — Кэнтаро замялся, покосился на секретаршу, потом полез в карман и извлек оттуда небольшой запечатанный конверт. — Это пришло утром. Вам. С просьбой спуститься в архив.

Юкио взял конверт. Бумага была плотной, не той, что используют для служебных записок, а более дорогой, с легкой текстурой. На лицевой стороне — его имя, выведенное аккуратным, каллиграфическим почерком. Ни подписи, ни печати. Только имя.

— Кто передал? — спросил он, поворачивая конверт в руках.

— Э... — Кэнтаро покраснел. — Его просто оставили на посту охраны. Сказали, что для нового заместителя управляющего. Охранник не рассмотрел, кто принес, — утро, смена, суета...

Секретарша бросила на Кэнтаро быстрый, оценивающий взгляд, потом перевела его на конверт в руках Юкио. В ее глазах мелькнуло что-то — беспокойство? Любопытство?

— Я распоряджусь, чтобы вам принесли чай и что-нибудь поесть, — сказала она, отступая к двери. — Господин Кабояси сегодня занят, но просил передать, что ждет вашего первого отчета к концу недели.

— Благодарю, — кивнул Юкио.

Она вышла. Кэнтаро задержался на секунду, явно желая что-то спросить, но передумал, поклонился и тоже исчез за дверью.

Юкио остался один.

Он посмотрел на конверт. Бумага пахла чем-то неуловимым — может быть, пылью старых книг, может быть, ладаном. Или просто тем особенным запахом, который бывает у архивов: сухим, вековым, тяжелым.

Он сломал печать.

Внутри был сложенный вдвое лист бумаги, исписанный тем же аккуратным, каллиграфическим почерком. Без обращения. Без подписи. Только несколько строк:

«В архиве, секция К-7, полка 14, дело 88. То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец. Приходите сегодня, после заката. Спросите Хранителя. Скажите: "Байкал помнит". Приходите один».

Юкио перечитал послание трижды.

То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец.

Пальцы, державшие лист, дрогнули. Он смотрел на слова, и где-то глубоко внутри, в том месте, которое он старался не тревожить, зашевелилось что-то — не страх, не надежда, а что-то большее, древнее, как инстинкт. *Байкал помнит*. Байкал. Озеро в Сибири, у которого его дед, говорят, проводил свои исследования. Место, где всё начиналось. И где, возможно, всё еще ждало своего часа.

Он сунул письмо во внутренний карман кителя, где уже лежало запечатанное послание от Кабояси, которое он так и не вскрыл.

Два письма. Два секрета. Два пути.

Юкио подошел к окну. Город просыпался. В порту уже гремели краны, по улицам тянулись грузовики, люди спешили на работу — русские, японцы, корейцы, китайцы. Все вместе, в одном городе, на одной земле. Архив находился где-то там, в старом центре, среди зданий, которые помнили еще русских царей.

Он не знал, кто прислал это письмо. Не знал, зачем. Не знал, можно ли верить. Но он знал одно: он приехал сюда не для того, чтобы сидеть в кабинете и переключивать бумаги.

В дверь снова постучали. Вошел Кэнтаро с подносом — чай, рис, мисо-суп, немного маринованных овощей. Поставил на стол, поклонился, собираясь уходить.

— Кэнтаро-сан, — окликнул его Юкио.

Молодой человек замер на пороге.

— Да, господин Танака?

— Архив. Старое здание, в центре. Оно еще работает?

Кэнтаро удивился вопросу, но быстро взял себя в руки.

— Да, господин. Там хранятся старые документы — еще с русских времен. Но... — он замялся, — туда редко кто ходит. Говорят, там темно и холодно. И... — он понизил голос, — говорят, там водятся призраки. Русские. Которые не ушли.

Юкио чуть заметно улыбнулся.

— Призраки, значит.

— Старожилы говорят, что некоторые документы сами собой перемещаются с полки на полку, — Кэнтаро говорил серьезно, но в глазах его прыгали веселые искорки. — А иногда по ночам слышен голос, который читает вслух. На русском. Но я не верю, конечно. Это просто... старые байки.

— Конечно, — согласился Юкио. — Скажи, там есть смотритель? Хранитель?

— Есть. Старик. Его все зовут Хранитель, я даже имени его не знаю. Он там живет, кажется. С ним никто не разговаривает. Говорят, он еще с русских времен там работает. Или... — Кэнтаро запнулся, — или он сам — призрак.

Он засмеялся собственной шутке, но смех вышел нервным.

— Спасибо, Кэнтаро-сан. Можешь идти.

Дверь закрылась.

Юкио сел за стол, выпил чай, съел рис, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. Потом открыл первую папку, пробежал глазами цифры, названия, фамилии. Порт. Поставки. Налоги. Квартальные отчеты. Всё это было важно. Всё это было его работой.

Но мысли его были далеко. В архиве. В секции К-7. В деле, которое искал его дед и не нашел отец.

Он закрыл папку, посмотрел на часы на стене. Было утро. Закат наступит через много часов. Было время работать. И время ждать.

Юкио взял следующую папку и погрузился в цифры, чувствуя, как внутри, глубоко, тихо тикает счетчик времени. До вечера. До архива. До ответов, которых он не знал, хочет ли получить.

Но знал — должен.

он работал очень долго пока к нему не заглянул Кабояси и хотел как обосновался в кабинете. хотя на самом деле вещей было полно и не разобранные.

Юкио работал, не поднимая головы. Цифры, фамилии, отчеты — всё смешалось в сплошной поток, который он пытался удержать в голове, раскладывая по полочкам, выстраивая связи, запоминая детали. Порт Владивостока — *Тоёхары* — обрабатывал за месяц столько грузов, сколько весь Токийский залив двадцать лет назад. Три четверти из них шло через китайских посредников. Продовольственные карточки для местного населения — русских — были на двадцать процентов меньше, чем для японских переселенцев. В корейских кварталах свирепствовал черный рынок, который никто не мог контролировать. Китайские торговые дома скупали недвижимость в центре, вытесняя японских предпринимателей. Русские рыбаки отказывались регистрировать свои суда по новым правилам, и портовые власти закрывали на это глаза, потому что без них порт вставал.

Он делал пометки в блокноте, раз за разом возвращаясь к странице, где было написано материнское: *«Не верь громким словам»*. Под ним появлялись новые строчки — его собственные, пока еще робкие выводы:

«Экономика держится на компромиссах. Каждый компромисс — это слабость. Каждая слабость — возможность для тех, кто ждет».

Стопка прочитанных папок росла, стопка непрочитанных — таяла. Юкио уже перестал замечать, как меняется свет за окном: утреннее золото сменилось серой моросью, потом тучи разошлись, и солнце заиграло на волнах, превратив бухту в расплавленное серебро.

Он не слышал, как открылась дверь. Только когда тень упала на стол, поднял голову.

В дверях стоял Сородзиро Кабояси.

Губернатор был без кителя — в простой темно-синей рубашке с расстегнутым верхним воротником, рукава закатаны до локтя. Без официальной формы он выглядел старше, человечнее, и от этого Юкио почувствовал себя неловко — будто застал начальника в неподобающем виде, хотя на самом деле это начальник застал его.

— Не помешал? — голос Кабояси был спокойным, почти дружеским.

Юкио вскочил, едва не опрокинув стул, и склонился в поклоне.

— Господин губернатор, простите, я не слышал...

— Расслабься, — Кабояси вошел в кабинет и огляделся. — Я просто хотел посмотреть, как ты устроился.

Он посмотрел. И, судя по выражению лица, увиденное его не то чтобы разочаровало, но явно вызвало легкое недоумение.

Кабинет представлял собой странную картину. На столе, помимо разложенных веером папок, стояла наполовину пустая деревянная коробка с материнскими пельменями, рядом — кружка с остывшим чаем, в которой плавала одинокая чайника. На стуле висела студенческая форма, которую Юкио так и не убрал в шкаф. Из сумки, стоящей в углу, вываливался край свитера. Калькулятор отца был водружен поверх стопки финансовых отчетов, словно памятник чему-то личному среди казенных бумаг. И поверх всего этого — карта города, которую Юкио снял со стены и расстелил на полу, чтобы отметить кварталы, о которых читал в отчетах. На карте красным карандашом были обведены русский рынок, корейская слобода, китайские торговые ряды и старый архив в центре.

Кабояси прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился у карты на полу, склонил голову, разглядывая красные кружки.

— Архив, — сказал он, не оборачиваясь. — Зачем тебе архив?

Юкио замер. Сердце на секунду пропустило удар. Письмо в кармане вдруг показалось тяжелым, как камень. Он не знал, можно ли говорить о нем. Не знал, кому верить. Кабояси дал ему свободу — но какая свобода бывает в империи?

— Я... — он запнулся, подбирая слова. — В отчетах много ссылок на старые документы. Русские кадастры, карты землепользования, списки собственников. Если мы не понимаем, кому что принадлежало раньше, мы не поймем, почему люди сейчас сопротивляются.

Кабояси медленно повернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах — тех самых, печальных, глубоких — мелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— Умно, — сказал он. — Большинство чиновников, приезжающих из Токио, первым делом требуют новый стол, новую машину и квартиру в центре. Ты первым делом снял карту и начал изучать город. Это... правильно.

Он посмотрел на коробку с пельменями, на калькулятор отца, на студенческую форму, все еще висящую на спинке стула.

— Но вещи, Танака, надо разобрать, — в голосе губернатора послышалась едва уловимая нотка — то ли насмешка, то ли отеческая забота. — Ты здесь не на неделю. Домой тебя в ближайшее время не отпустят. Так что пора обустраиваться.

Он подошел к шкафу, открыл его. Внутри было пусто — только несколько вешалок и коробка с канцелярскими принадлежностями на нижней полке.

— Квартира? — спросил Юкио, чувствуя себя неловко под взглядом губернатора, который рассматривал его скарб с таким видом, будто оценивал боеспособность нового подразделения.

— Уже готова. В центре, недалеко от набережной. Трехкомнатная, с видом на порт. Предыдущий управляющий там жил. Хороший был человек. — Кабояси помолчал. — Его убили прошлой зимой. Китайские наемники. Или русские партизаны. Или свои. Следствие не нашло виновных.

Сказано это было будничным тоном, словно речь шла о смене постельного белья.

— Я понял, — ровно ответил Юкио.

— Не бойся, — Кабояси закрыл шкаф и повернулся к нему. — Если бы я думал, что тебя убьют в первую неделю, я бы не приглашал тебя. Ты нужен мне живым. Пока что.

Он усмехнулся, и на мгновение Юкио увидел в нем не губернатора, а старого солдата, который давно перестал бояться смерти и научился шутить над тем, что пугает других.

— Вечером пришло машину, — продолжил Кабояси. — Отвезешь вещи в квартиру. Разберешься. А завтра начнешь нормальную работу. С обхода. Без бумаг. — Он кивнул на стол, заваленный папками. — Бумаги — это мертвое. Город — живое. Иди, смотри, слушай. Как я тебе вчера сказал.

— Я помню, — сказал Юкио.

— Хорошо. — Кабояси направился к выходу, но у двери остановился. Обернулся, посмотрел на карту, расстеленную на полу, на красные кружки, на архив, обведенный старательно, чуть дрожащей линией.

— Архив, — повторил он, и в голосе его вдруг появилась странная, новая нотка. — Там действительно много старого. Русского. Некоторые вещи лучше не трогать. Они... тяжелые.

Юкио почувствовал, как письмо в кармане снова напоминает о себе — тяжестью, теплом, может быть, просто его собственным сердцем, забившимся чаще.

— Я буду осторожен, — сказал он.

Кабояси посмотрел на него долгим взглядом. В глазах губернатора было что-то, чего Юкио не смог прочитать: то ли предостережение, то ли разрешение, то ли знание, которое он не мог — или не хотел — передать словами.

— Будь, — сказал он наконец. — Будь осторожен, Танака. Это хороший город. Но он не прощает ошибок.

Дверь закрылась.

Юкио стоял посреди кабинета, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как внутри нарастает странное, незнакомое чувство. Не страх. Не решимость. Что-то среднее между ними — может быть, то самое понимание, о котором говорил Кабояси. Понимание того, что он здесь не случайно. Что каждый его шаг — на карту, на пол, на бумагу — имеет значение. Что в этом городе, на этой земле, где смешались империи, языки, судьбы, есть что-то, что ждет его. Что-то, что искал его дед. Что-то, что не нашел его отец.

Он посмотрел на коробку с пельменями, на калькулятор отца, на студенческую форму, все еще висящую на стуле. Вещей было полно, и они были не разобраны. Но время разбирать их еще не пришло.

Сначала нужно было понять, зачем он здесь.

Юкио подошел к окну. Солнце клонилось к закату, окрашивая бухту в багрянец и золото. Где-то там, в старом центре, в здании, которое помнило еще русских царей, ждал архив. Ждал Хранитель. Ждало дело под номером восемьдесят восемь, в секции К-7, на четырнадцатой полке.

Он дотронулся до кармана, где лежало письмо.

«Приходите сегодня, после заката».

Закат был уже близко.

Юкио сел за стол, закрыл последнюю папку, сложил свои заметки в блокнот и убрал его в ящик. Потом встал, подошел к стулу, снял студенческую форму, аккуратно сложил и убрал в шкаф. Свитер — туда же. Калькулятор отца поставил на полку, рядом — коробку с пельменями. Материнскую еду надо было доесть, но не сегодня. Сегодня было другое.

Он посмотрел на себя в маленькое зеркало на стене. Китель сидел хорошо, но лицо было бледным, под глазами залегли тени. Дорога, бессонная ночь, первый день в новом городе, горы бумаг — всё это оставило след. Но глаза смотрели ясно.

Байкал помнит, — сказано было в письме.

Юкио поправил воротник, глубоко вздохнул и вышел из кабинета.

В коридоре было тихо. Секретарша уже ушла, Кэнтаро, наверное, тоже. Только охранник в конце коридора кивнул ему, принимая за своего.

Юкио спустился по лестнице, миновал вестибюль, вышел на улицу.

Город встречал его вечером. Фонари только начинали зажигаться, окрашивая мостовую в желтый. Где-то в порту гудел корабль, где-то на рынке перекликались торговцы, сворачивая товар. В воздухе пахло морем, жареным мясом, дешевым табаком и чем-то еще — может быть, историей. Той самой, тяжелой, которую некоторые вещи лучше не трогать.

Юкио посмотрел в сторону старого центра. Здание архива он запомнил по карте — красный кирпич, высокие окна, башня с часами, которые, говорят, до сих пор идут, хотя никто их не заводил уже лет двадцать.

Он сделал шаг. Потом другой. Потом пошел быстрее, чувствуя, как город принимает его в свои улицы, переулки, тайны.

Архив ждал. Хранитель ждал. И, может быть, ответы ждали тоже. Или новые вопросы. Или что-то, что изменит всё.

Юкио шел, и письмо в кармане грело грудь, как маленькое, упрямое сердце.

Байкал помнит.

Он тоже хотел помнить. И знать. И понять.

Город тем временем погружался в сумерки, готовясь к ночи, которая обещала быть беспокойной.

он шел на место

Улицы встречали его огнями.

Они зажигались не все сразу, а постепенно, словно город просыпался во второй раз — не для работы, а для чего-то другого, более сокровенного. Неон вывесок на китайских кварталах вспыхивал алым и синим, рекламируя рестораны, где пахло уткой по-пекински и дешевым сакэ. Русские лавки светились тусклым желтым — лампочки здесь меняли реже, берегли электричество. Японские магазины сияли ровным белым светом, и на их фоне силуэты продавцов казались четкими, почти театральными.

Юкио шел быстро, но не бежал. Он чувствовал, как город смотрит на него, оценивает. Новый чиновник в форме имперской администрации, заместитель управляющего — это не каждый день появляется на улицах без сопровождения. Взгляды скользили по нему из окон, из-за углов, из приоткрытых дверей. Кто-то с любопытством, кто-то с опаской, кто-то — с той тяжелой, пристальной ненавистью, которая не требует слов.

Он миновал квартал, где русские женщины в платках сидели на лавках у подъездов, переговариваясь вполголоса. Они замолчали, когда он проходил мимо. Только одна, старая, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дерева, посмотрела ему вслед и негромко сказала:

— Гляди-ка, новый. Молодой совсем. Детей бы нянчить, а он — править приехал.

Юкио сделал вид, что не понял. Или не услышал. Но слова зацепились где-то внутри, засели занозой.

Потом был корейский квартал. Здесь жизнь кипела даже в сумерках — женщины в ярких платьях торговали кимчи с лотков, мужчины играли в го под фонарями, дети бегали между взрослыми, смеясь и крича на смеси языков. Запах чеснока и острого перца стоял такой, что першило в горле. Кто-то окликнул его по-японски, предлагая купить «самый лучший чай в городе», но Юкио только покачал головой и ускорил шаг.

Китайский квартал был другим. Здесь всё было выверено, спокойно, почти незаметно. Лавки выглядели одинаково, фасады — чистыми, вывески — скромными. Но Юкио чувствовал: под этой показной скромностью течет другая жизнь, та, которую не видно с улицы. На перекрестке он заметил группу мужчин в деловых костюмах, которые о чем-то тихо переговаривались у черной машины — *Харбин-12*, новенькой, с тонированными стеклами. Один из них, с короткой стрижкой и тяжелым взглядом, проводил Юкио глазами до самого конца улицы.

Он снова свернул, и старый центр открылся перед ним внезапно, как книга, которую перевернули на нужной странице.

Здесь не было неона. Здесь не было новых построек. Здесь время замерло где-то в начале века, когда Владивосток был русским, китайским, корейским, японским — всем сразу, но ничьим до конца. Дома из красного кирпича с облупившейся штукатуркой, высокие окна с полукруглыми арками, кованые ворота, которые никто не открывал годами. На одном из зданий Юкио разглядел остатки старой вывески — русские буквы, почти стертые временем, и под ними японские иероглифы, нанесенные поверх краской, которая тоже уже выцвела.

Архив стоял в конце улицы, у самого обрыва, откуда открывался вид на бухту.

Здание было массивным, трехэтажным, из темно-красного кирпича, с башней в центре и часами под самой крышей. Часы шли. Стрелки показывали без пятнадцати восемь, и Юкио слышал их тиканье даже снаружи — мерное, тяжелое, как бой старого сердца. Окна первого этажа были зарешечены, второго — затянуты пыльной тканью, третьего — темны, пусты, как глазницы. Входная дверь — массивная, дубовая, обитая почерневшим железом — была приоткрыта, и изнутри тянуло холодом и запахом старой бумаги, пыли, вековой тишины.

Юкио остановился перед дверью. Письмо в кармане вдруг показалось горячим. Он достал его, перечитал последнюю строчку: «*Спросите Хранителя. Скажите: "Байкал помнит"*».

Позади, на улице, зажглись еще несколько фонарей, но их свет не доходил сюда. Архив стоял в своей собственной темноте, отделенный от города невидимой чертой, которую переступали немногие.

Юкио толкнул дверь.

Она открылась с протяжным, жалобным скрипом, и холоддохнул в лицо — не тот, что с моря, а другой, глубокий, подвальный, пахнущий плесенью и временем. Внутри было темно. Только далеко в конце коридора горела одна-единственная лампочка, отбрасывая бледный круг на каменный пол.

Коридор тянулся вглубь, теряясь в темноте. По обеим сторонам — двери, запертые или просто закрытые, с табличками, которые Юкио не мог разобрать в полумраке. Пол был выложен каменной плиткой, стертой до блеска тысячами ног, которые ходили здесь задолго до него. На стенах — следы от снятых портретов, гвозди, на которых что-то висело, но что — уже никто не помнил.

— Есть кто? — голос Юкио прозвучал глухо, придавленный толщей камня и бумаги.

Тишина. Только часы где-то наверху продолжали свое мерное тиканье, и где-то далеко, в недрах здания, капала вода — кап, кап, кап.

Юкио сделал несколько шагов вперед. Под ногами скрипнула половица, и звук разнесся по коридору, как выстрел.

— Я ищу Хранителя, — сказал он громче, и эхо подхватило его слова, унося в темноту.

Сначала ничего не произошло. Потом — в самом конце коридора, там, где горела лампочка, — он услышал шорох. Медленный, тяжелый, как будто кто-то вставал с кресла, в котором просидел слишком долго.

— Хранитель? — повторил Юкио, и в голосе его, несмотря на все усилия, проскользнула нотка неуверенности.

Шорох приближался. Теперь Юкио слышал шаги — медленные, шаркающие, неторопливые. Старик. Или не старик? Шаги звучали так, будто человек, который их делал, знал каждую половицу, каждую трещину в камне, каждую дверь, мимо которой проходил.

В конце коридора показалась фигура.

Сначала Юкио увидел только силуэт — сгорбленный, узкий, в длинном плаще, который волочил по полу. Потом лицо — морщинистое, с глубокими тенями под глазами, с длинной седой бородой, которая почти сливалась с плащом. Старик был стар, очень стар — настолько, что возраст его нельзя было определить. Восемьдесят? Девяносто? Сто? Может быть, он был

здесь всегда, с тех пор, как построили это здание, и просто ждал, когда придет тот, кто скажет нужные слова.

Старик остановился в нескольких шагах от Юкио. Глаза его — светлые, выцветшие, как небо над морем в зимний день — смотрели спокойно, без страха, без любопытства, с чем-то, что можно было назвать только ожиданием.

— Ты пришел, — сказал старик. Голос его был сухим, как шелест страниц, но слова падали тяжело, с весом, который не имел ничего общего с громкостью.

— Я ищу Хранителя, — ответил Юкио.

— Я Хранитель.

Юкио помолчал, чувствуя, как в горле пересохло. Письмо в кармане жгло кожу.

— Мне сказали прийти. Сказали, что здесь есть то, что искал мой дед. То, что не нашел мой отец.

Старик не ответил. Только смотрел, и взгляд его — светлый, выцветший, древний — проходил сквозь Юкио, сквозь его форму, сквозь слова, которые он еще не сказал.

— Байкал помнит, — произнес Юкио, и слова эти прозвучали странно в тишине архива, как заклинание, как ключ, вставляемый в замок.

Хранитель медленно, очень медленно кивнул. И в этом кивке было что-то, что нельзя было назвать ни согласием, ни приветствием. Это было узнавание.

— Байкал помнит, — повторил старик, и в его голосе вдруг появилось что-то новое — не сухость страниц, а глубина, как у озера, которое не знает дна. — А ты помнишь, мальчик? Ты помнишь, зачем пришел?

Юкио хотел сказать что-то — о работе, о долге, о поручении Кабояси, о том, что он просто чиновник, который хочет понять город. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: это неправда. Он пришел сюда не как чиновник. Не как заместитель управляющего. Он пришел как внук человека, который искал здесь что-то и не нашел. Как сын человека, который уехал в Маньчжурию и не вернулся.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я не знаю, зачем пришел. Но я здесь.

Хранитель смотрел на него долго, очень долго. Потом повернулся и пошел в глубь коридора, туда, где горела одна-единственная лампочка, отбрасывая бледный круг на каменный пол.

— Иди за мной, — сказал он, не оборачиваясь. — Я покажу тебе то, что искал твой дед. То, что не нашел твой отец.

И Юкио пошел.

Шаги его гулко отдавались в коридоре, смешиваясь с тиканьем часов, с капаньем воды, с шорохом плаща Хранителя, который волочился по полу, как хвост древнего, уставшего зверя. Они шли мимо закрытых дверей, мимо полок с папками, которые никто не открывал десятилетиями, мимо столов, заваленных бумагами, которые никто не читал, мимо темноты, которая сгущалась за каждым поворотом, чтобы расступиться перед ними снова.

Архив был огромен. Он был не просто зданием — он был памятью города, его душой, его тайной. И Юкио чувствовал, как эта память входит в него, тяжелая, холодная, чужая, но почему-то — своя.

Они шли долго. Или недолго — время здесь текло иначе, подчиняясь не часам на башне, а чему-то другому, более древнему.

Наконец Хранитель остановился перед дверью. Она ничем не отличалась от других — такая же тяжелая, с почерневшей бронзовой ручкой и табличкой, на которой почти стерлись буквы. Но старик не открывал ее. Он стоял, положив ладонь на ручку, и смотрел на Юкио.

— Ты уверен? — спросил он. — За этой дверью — то, что изменит тебя. То, что изменило твоего деда. То, из-за чего твой отец уехал и не вернулся. Если ты войдешь — назад дороги не будет.

Юкио посмотрел на дверь. Потом на Хранителя. Потом снова на дверь.

Он вспомнил мать, которая ждала в Токио. Кабояси, который смотрел на карту и говорил о тяжести. Полковника Танако, который искал свиток, способный уничтожить две империи. Деда, который исчез, слишком много поняв. Отца, который уехал строить новую жизнь и пропал.

Он вспомнил слова, написанные в блокноте: *«Не верь громким словам»*.

Здесь не было громких слов. Была тишина. Была дверь. Был выбор.

— Я войду, — сказал Юкио.

Хранитель кивнул. Открыл дверь.

И Юкио шагнул внутрь, в темноту, которая ждала его так долго, что уже почти забыла, зачем ждала. Но не забыла.

Никогда не забывала.

на той полке находились документы которые называются дело проекта Цутомо испытание химического оружия с элементом ядерки на Сахалине в период начала 50х годов над сдавшими народами. проект был разработан для того чтобы истребить все народы как у Рейха но получилось. так что брат императора Ясухито был против этой затеи и было принято решение закрыть но инициатором был действующий губернатор Сахалина Акира Ватабэ который хочет занять должность Кабояси.

Комната была маленькой, тесной, заваленной папками, которые громоздились на полу, на стульях, на подоконнике. Воздух здесь был спертый, тяжелым, пахло не просто пылью, а чем-то более едким, въевшимся в стены, в бумагу, в само время. Юкио почувствовал это сразу — запах, от которого першило в горле и хотелось зажать нос.

Хранитель остался за дверью. Он не вошел, только стоял на пороге, держась за косяк, и смотрел на Юкио своими светлыми, выцветшими глазами.

— Полка четырнадцать, — сказал он тихо. — Дело восемьдесят восемь. Оно там, где вы его оставили.

«Вы»? Юкио хотел спросить, кого имел в виду старик, но тот уже отступил в коридор, и дверь закрылась с мягким, почти неслышным щелчком.

Юкио остался один.

Он огляделся. Стеллажи тянулись вдоль стен, уходя вверх, к высокому потолку, теряясь в темноте. Некоторые полки были пусты, другие — забиты папками, которые гнулись под собственной тяжестью. На одной из них, на уровне груди, тускло поблескивала металлическая табличка: «К-7».

Он подошел ближе. Сердце стучало где-то в горле, хотя он не мог объяснить почему. Это был просто архив. Просто старые бумаги. Просто...

Он нашел четырнадцатую полку. Папка стояла ровно посередине, между двумя другими, такими же выцветшими, с почти стершимися корешками. Но на этой — еще можно было разобрать номер: *88*. И ниже, чернилами, которые когда-то были черными, а теперь стали бурыми, почти ржавыми: *«Проект Цутомо. Сахалин. 1951–1953»*.

Юкио взял папку в руки. Она была тяжелой, плотной, и когда он открыл ее, запах ударил с новой силой — химия, старое железо, и что-то еще, сладковато-приторное, от чего к горлу подступила тошнота.

Первые страницы были машинописными, на японском, с грифом «Совершенно секретно». Юкио читал, и с каждым словом мир вокруг него становился другим.

«Проект Цутомо. Цель: разработка и испытание комбинированного агента на основе соединений фосфора, ртути и продуктов распада урана-235. Агент должен обеспечивать 100% летальность среди гражданского населения на площади до 50 квадратных километров при сохранении инфраструктуры и материальных ценностей. Применение: территории бывшего СССР, заселенные этническими группами, не подлежащими ассимиляции».

Руки Юкио дрожали. Он перелистывал страницы, и перед ним разворачивалась картина, от которой кровь стыла в жилах.

Схемы полигонов. Карты Сахалина с отмеченными секторами. Фотографии — черно-белые, нерезкие, от которых невозможно было оторвать взгляд. Люди в защитных костюмах на фоне бетонных строений. Столбы дыма над тайгой. И другие фотографии — те, что были сделаны после.

Он перевернул страницу и замер.

Снимок был сделан на берегу моря. На переднем плане — несколько десятков людей, стоящих в ряд. Нивхи. Юкио узнал их по одежде, по лицам — широким, скуластым, с глазами, которые смотрели в камеру с тем спокойствием, которое бывает только у тех, кто уже знает, что умрет. Рядом с ними — японские военные в защитных костюмах. Надпись под фотографией гласила: *«Испытательный полигон №4, поселок Ныйво, 12 августа 1952 года. Образцы: 47 человек (местное население). Контрольная группа: 12 человек. Результаты: 100% летальность в течение 72 часов. Контрольная группа — 0%».*

Юкио закрыл глаза. Но изображение осталось под веками.

Он читал дальше, страницу за страницей, и каждая была хуже предыдущей. Технические отчеты, где люди назывались «образцами» и «биоматериалом». Списки «доноров» — нивхи, уйльта, русские староверы, корейцы, которых согнали с оккупированных территорий. Сравнительные таблицы эффективности: сколько человек умерло от удушья, сколько — от внутреннего кровотечения, сколько — от отказа нервной системы.

«Наибольшая эффективность агента зафиксирована при концентрации 0,3 мл на кубический метр. Летальность — 98,7%. При концентрации 0,5 мл — 100%. Побочные эффекты: полное уничтожение растительности в радиусе 2 км, заражение почвы на срок до 15 лет».

На полях одной из страниц был приписан от руки комментарий, сделанный тем же почерком, что и письмо, которое привело его сюда:

«Это не оружие. Это самоубийство. Земля, на которой мы применим это, станет мертвой на поколения. Наши дети не смогут жить здесь. Их дети — тоже. Зачем нам победа, если нечего будет передать потомкам?»

Юкио узнал этот почерк. Он видел его сегодня утром, на конверте, который принес Кэнтаро. Тот же аккуратный, каллиграфический почерк. Тот же, кто написал письмо с приглашением в архив, кто-то делал эти пометки. Кто-то, кто был там. Кто-то, кто видел.

Дальше шли документы, которые заставили его сердце биться еще быстрее.

«Докладная записка принцу Ясухито. О проекте Цутомо».

«Ваше Императорское Высочество. Довожу до вашего сведения, что вопреки приказу о прекращении испытаний, губернатор Сахалина Акира Ватабэ продолжает работы по проекту Цутомо в сокращенном объеме. Полигон №7 в районе Южно-Сахалинска функционирует до сих пор. Лабораторные образцы агента хранятся в специальном бункере. По имеющимся сведениям, господин Ватабэ намеревается использовать результаты проекта как аргумент в политической борьбе за пост губернатора Дальневосточного округа».

Юкио перечитал этот абзац трижды. Акира Ватабэ. Бывший губернатор Сахалина. Тот, кто, по словам Кабояси, хотел занять его место. Тот, кто, возможно, был готов использовать химическое оружие, чтобы доказать свою эффективность. Тот, кто продолжал испытания, даже когда принц Ясухито — брат императора — приказал их прекратить.

Следующая страница была другой. Это был не машинописный отчет, а письмо, написанное от руки, на плотной бумаге с императорским гербом. Юкио узнал почерк — благородный, размашистый, уверенный. Письмо принца Ясухито.

«Господину Кабояси, губернатору Дальневосточного округа.

Я ознакомился с материалами проекта Цутомо. Это не оружие. Это позор нашей империи. Мы победили в войне, чтобы установить новый порядок, а не чтобы повторять ошибки

тех, кого мы победили. Испытания должны быть прекращены немедленно. Все образцы агента — уничтожены. Все документы — засекречены и помещены в архив, недоступный для лиц, не имеющих специального разрешения. Люди, ответственные за продолжение испытаний после моего приказа, должны быть наказаны.

Я не могу сделать это публично. Империя не готова узнать правду. Но вы, Кабояси, должны знать. И вы должны сделать всё, чтобы этот проект никогда не получил продолжения.

Подпись: Принц Ясухито. 15 марта 1954 года».

Юкио опустил письмо. Руки его тряслись. Он смотрел на стопку бумаг перед собой и понимал, что держит в руках не просто документы. Он держит тайну, которая может уничтожить всё. Кабояси, полковник Танако, Акира Ватабэ, принц Ясухито — все они знали. И все молчали. Империя победила, но цена этой победы была написана здесь, на этих пожелтевших страницах.

Он перевернул последнюю страницу. Там была приклеена фотография. Старая, выцветшая, с неровными краями.

На фотографии были трое мужчин. Они стояли на фоне бетонного здания, в защитных костюмах, с масками, сдвинутыми на лбы. Первого Юкио узнал сразу — молодой Сородзиро Кабояси, с жестким, решительным лицом, без той печали, которая была в его глазах теперь. Второй был незнаком — высокий, с резкими чертами лица, с холодными, прищуренными глазами. Надпись на обороте гласила: «*Акира Ватабэ, губернатор Сахалина*».

А третий...

Сердце Юкио остановилось, потом забилося снова, часто, больно, так, что он почувствовал, как кровь приливает к лицу, а потом отливает, оставляя холод.

Третий был его отец. Кихэй Танака. Молодой, с живыми, смеющимися глазами, в такой же форме, как и другие двое, с такой же сдвинутой на лоб маской. Надпись под фотографией, сделанная тем же каллиграфическим почерком, что и пометки на полях:

«Полигон №4, август 1952. Инспекция. Кихэй Танака, специальный представитель министерства по делам колоний. Присутствовал при испытаниях. После возвращения в Токио подал рапорт с требованием прекратить проект. Отправлен в Маньчжурию. Дальнейшая судьба неизвестна».

Юкио сидел на полу архива, прижимая к груди папку, и не мог дышать. Отец не пропал в Маньчжурии. Отец знал. Отец видел то, что было на этой фотографии. Отец подал рапорт. И его отправили. Туда, откуда не возвращаются.

Акира Ватабэ продолжал испытания. Кабояси, который был там, на полигоне, стал губернатором. Принц приказал закрыть проект, но документы спрятал в архив, где они пролежали семь лет. И теперь Ватабэ хотел занять место Кабояси.

Юкио закрыл папку. Руки его были ледяными, но лоб горел.

Он услышал, как скрипнула дверь, и поднял голову. На пороге стоял Хранитель, глядя на него своими светлыми, выцветшими глазами.

— Ты нашел, — сказал старик. Это был не вопрос.

— Мой отец... — голос Юкио сорвался. — Он был там. Он видел.

Хранитель медленно кивнул.

— Твой отец был честным человеком. Он подумал, что правда важнее карьеры. Что правда важнее империи. Он ошибся. Империя не прощает тех, кто говорит правду.

— Кабояси... он тоже был там. Он тоже видел.

— Кабояси выбрал молчание. Он думал, что сможет остановить это изнутри. Он стал губернатором, чтобы иметь власть. Но власть, Танака, — это не то, что дает тебе свободу. Это то, что отнимает ее.

Юкио смотрел на папку в своих руках. В ней было всё. Правда о проекте Цутомо. Правда о его отце. Правда об империи, которая праздновала победу, пока ее солдаты травили людей на полигонах.

— Что мне делать? — спросил он. Голос его был чужим, далеким.

Хранитель молчал долго. Потом подошел к полке, снял с нее еще одну папку — такую же старую, такую же пыльную — и положил перед Юкио.

— Твой дед искал правду о прошлом. Твой отец нашел правду о настоящем. Может быть, ты найдешь правду о будущем. — Он коснулся пальцем новой папки. — Здесь — завещание Петра. Копия, которую твой дед перевел на японский перед тем, как исчез. Оно не принесет мир. Оно не остановит войну. Но оно объяснит, почему всё это происходит.

Юкио взял папку. Она была тоньше, легче, но тяжесть ее была другой — не физической, а той, что ложится на душу.

— Иди, — сказал Хранитель. — У тебя есть время до рассвета. Потом... потом ты должен будешь решить, что делать с тем, что узнал.

Юкио поднялся. Ноги были ватными, голова кружилась. Он прижал обе папки к груди, чувствуя, как через них, через старую бумагу, вьющуюся химию и пыль веков, к нему прикасается что-то огромное, древнее, беспощадное.

— Хранитель, — спросил он, уже стоя на пороге. — Кто вы? Почему вы здесь?

Старик посмотрел на него, и в его светлых, выцветших глазах вдруг мелькнуло что-то, похожее на улыбку.

— Я — тот, кто помнит. Байкал помнит. А я помню Байкал. Этого достаточно.

Юкио вышел в коридор. Часы на башне пробили полночь. Двенадцать ударов, тяжелых, медленных, как отсчет времени, которого оставалось всё меньше.

Он шел по длинному коридору, прижимая к груди папки, и чувствовал, как мир вокруг него меняется. Токио, мать, праздник, пестрые машины, поезд, полковник Танако, Кабояси, город на сопках — всё это было частью чего-то большего, страшного, неизбежного.

Он вышел на улицу. Ночь была холодной, звездной. Где-то в порту гудел корабль, где-то лаяли собаки, где-то играла музыка — русская, печальная, тягучая.

Юкио посмотрел на здание администрации, на светящиеся окна, за которыми, возможно, еще работал Кабояси. Посмотрел на порт, где грузились корабли, везущие товары в империю, которая не знала, что ее победа была построена на крови, которая не высохнет еще поколениями.

Он сжал папки и пошел в ночь.

У него было время до рассвета. Время прочитать. Время понять. Время решить, что делать с правдой, которая могла уничтожить всё.

Империя. Семья. Будущее.

Выбора не было. Он должен был знать.

он пошел туда куда ему сказал Кабояси расположится

Ночь обнимала город холодными, влажными руками. Звезды над бухтой казались чужими — не теми яркими, знакомыми огнями, что висели над Токио, а какими-то другими, холодными, равнодушными, как сама эта земля. Папки, прижатые к груди, оттягивали руки, но Юкио не мог ослабить хватку. Они стали частью его, вросли в пальцы, в грудь, в самое сердце.

Он шел по улицам, которые уже начинал узнавать. Мимо китайского квартала, где огни уже погасли и только редкие фонари освещали пустые улицы. Мимо корейского рынка, где на земле еще валялись обрывки газет и капустные листья. Мимо русских домов, где в окнах горел тусклый свет и кто-то негромко, надрывно плакал — женщина, или ребенок, или сам ветер выл в ржавых водосточных трубах.

Встречные попадались редко. Пара военных патрулей, проехавших на грузовике — они скользнули по нему фарами, но останавливаться не стали, узнав форму имперской админи-

страции. Пьяный мужчина в русской телогрейке, сидящий на корточках у забора и бормочущий что-то неразборчивое — Юкио обошел его стороной. Старуха, вышедшая вынести мусор, — она посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом, перекрестилась и быстро скрылась за дверь.

Квартира, которую выделил Кабояси, находилась в центре, недалеко от набережной. Дом был старым, еще русской постройки — массивный, из серого камня, с высокими потолками и лепниной на фасаде, которую никто не восстанавливал после войны. Но подъезд был отремонтирован недавно — японские строители заменили двери, поставили новые лампы, выкрасили стены в светлый, казенный цвет. На табличке у входа значилось: «Жилой комплекс имперской администрации».

Юкио поднялся на третий этаж. Ключ ему передали днем, вместе с бумагами, и он теперь лежал в кармане, тяжелый, непривычный. Квартира была угловой, с окнами на порт и на сопки. Дверь — массивная, новая, с японским замком, который щелкнул с неприятным, механическим звуком.

Он вошел.

Внутри было темно и тихо. Юкио нашел выключатель у входа, и свет — резкий, белый, незнакомый — залил прихожую. Квартира оказалась большой, гораздо больше, чем он ожидал. Три комнаты, кухня, ванная, даже небольшая гостиная с видом на бухту. Мебель была казенной, стандартной — стол, стулья, кровать, шкаф, все из светлого дерева, безликое, как в гостинице. На подоконнике стоял горшок с засохшим растением — предыдущий хозяин не успел его выбросить, или поливать, или просто забыл, как забывают всё, когда уходят навсегда.

Юкио прошел в комнату, которая, видимо, предназначалась для кабинета. Стол стоял у окна, и на нем уже лежала стопка чистых листов, несколько карандашей, чернильница. Кто-то подготовил рабочее место, кто-то ждал, что он здесь будет жить и работать. Жить. В этом городе. В этой квартире, где до него жил человек, которого убили прошлой зимой.

Он поставил папки на стол. Руки дрожали, когда он развязывал тесемки, открывал первую папку — ту, что с проектом Цутомо. Документы, фотографии, письма — всё это он уже видел в архиве, но теперь, в тишине пустой квартиры, они выглядели иначе. Страшнее. Настоящее.

Он перечитал письмо отца. «Присутствовал при испытаниях. После возвращения в Токио подал рапорт с требованием прекратить проект. Отправлен в Маньчжурию». Слова плыли перед глазами. Он прочитал их снова и снова, пытаясь услышать голос отца, которого никогда не знал, пытаясь понять, о чем тот думал, когда писал этот рапорт, когда понимал, что его отправляют туда, откуда не возвращаются.

Потом он открыл вторую папку. Ту, что дал Хранитель. Ту, в которой была копия завещания Петра Первого, переведенная его дедом.

Бумаги здесь были старше, желтее, хрупкие на ощупь. Почерк деда — ровный, каллиграфический, с легким наклоном вправо — заполнял страницы плотным, аккуратным текстом. Японский перевод старинного русского документа. И внизу, на полях, примечания деда — те же, что и на документах проекта, но другим почерком, более задумчивым, философским.

Юкио читал медленно, вникая в каждое слово.

Завещание Петра было не длинным, но каждое предложение весило тонну. Петр писал своим наследникам:

«Государи российские, не довольствуйтесь владением нынешними пределами. Расширяйтесь на восток, через Сибирь, через океан, до самого американского материка. Ибо Россия — не Европа и не Азия, Россия — третий путь. И кто не будет идти по этому пути — будет сметен. Не останавливайтесь ни перед чем. Народы, которые встретите, — покоряйте. Земли, которые займете, — укрепляйте. Ибо только в движении — сила. Только в расширении — безопасность. Тот, кто остановится, — погибнет».

А дальше — странное, пугающее дополнение, которое дед выделил красным карандашом:

«Если же Россия падет, если империя наша распадется, то пусть тот, кто поднимет ее обломки, знает: мы завещали миру не покой, а движение. И тот, кто не поймет этого, будет уничтожен теми, кто понял. Ибо природа империи — в вечной экспансии. Остановка есть смерть».

На полях, рядом с этим абзацем, дед написал:

«Это не завещание. Это проклятие. Империя, которая верит в это, обречена вечно воевать или погибнуть. Нет третьего пути. Петр создал машину, которая не может остановиться. И мы, японцы, создали такую же. И американцы — такую же. Все империи одинаковы в своей одержимости».

Юкио закрыл папку. Руки его больше не дрожали — они стали тяжелыми, как будто через эти бумаги к нему пришла какая-то древняя, неподъемная сила.

Он подошел к окну.

Порт спал. Только редкие огни горели на причалах, да где-то далеко, на рейде, стоял корабль, подсвеченный луной. Сопки чернели на фоне звездного неба, и на самой высокой из них, где днем реял имперский флаг, теперь было темно и пусто.

Юкио думал о деде, который переводил эти строки, пытаясь понять, что движет империями. Думал об отце, который увидел своими глазами, к чему приводит эта одержимость движением, и заплатил за это жизнью. Думал о Кабояси, который выбирал между правдой и властью и выбрал власть, надеясь изменить систему изнутри. Думал о Ватабэ, который продолжал испытания, потому что верил, что только сила может удержать империю.

Они все были правы по-своему. И все они были неправы.

Письмо, которое привело его в архив, лежало на столе. Он взял его, перечитал еще раз: *«То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец».*

Теперь он знал. Дед искал понимание. Отец нашел правду и погиб. А он, Юкио, что он должен сделать с этим знанием?

Он вспомнил слова Хранителя: *«У тебя есть время до рассвета. Потом ты должен будешь решить».*

За окном ночь еще была плотной, черной, без намека на утро. Но Юкио знал, что время идет. Часы на башне архива пробили полночь, когда он уходил. Теперь, наверное, был час, или два, или три. Время текло иначе, когда держишь в руках такое.

Он сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги. Карандаш лежал рядом, отточенный, готовый.

Юкио думал о том, что скажет Кабояси, когда они встретятся утром. Или днем. Или когда губернатор позовет его. Скажет ли он правду? Сможет ли он смотреть в глаза человеку, который был на полигоне, который видел то же, что и его отец, и промолчал? Сможет ли он обвинить его, когда сам понимает, как трудно говорить правду в империи, которая не прощает правды?

А что, если он не скажет ничего? Спрячет папки, как их спрятали до него, и будет жить, как жил Кабояси, надеясь изменить что-то изнутри, но так и не изменив ничего?

Отец выбрал правду и погиб. Кабояси выбрал молчание и власть. Кто из них был прав?

Юкио провел рукой по лицу, стирая усталость, которая была глубже, чем просто бессонная ночь. Он посмотрел на папки, на письмо, на чистый лист перед собой.

Потом встал, прошел на кухню, нашел чайник — старый, поцарапанный, оставшийся от прежнего хозяина. Налил воды, поставил на плиту. Пока вода грелась, он стоял у окна, глядя на спящий город, и думал о матери, которая ждет в Токио, которая не знает, что ее муж не просто пропал, а был отправлен на смерть за то, что сказал правду.

Чайник закипел, и пар побежал по стеклу, затуманивая вид. Юкио заварил чай — тот самый, что стоял в шкафу, казенный, без вкуса, просто горячая вода с привкусом трав. Сел за стол, держа кружку в руках, чувствуя, как тепло растекается по пальцам.

Он не знал, что будет делать утром. Не знал, сможет ли смотреть в глаза Кабояси, зная то, что знает. Не знал, что делать с папками — спрятать, уничтожить, показать, кому? Кому можно показать правду в империи, где правда убивает?

Но он знал одно. Он не будет, как Ватабэ, использовать знание для власти. И не будет, как Кабояси, прятать его за спинами мертвых. И, может быть, не будет, как отец, бросать правду в лицо тем, кто не хочет ее слышать.

Может быть, есть другой путь. Тот, о котором говорил дед, когда писал на полях завещания: *«Понять. Не чтобы судить. Чтобы не повторить»*.

Юкио допил чай, поставил кружку на стол. Папки лежали рядом — проект Цутомо, завещание Петра, судьбы трех поколений его семьи. Он не спрячет их. Не уничтожит. Он будет знать. И, может быть, когда придет время, он сможет сделать так, чтобы это знание не убивало, а предупреждало.

За окном небо над сопками начало светлеть. Звезды гасли одна за другой, уступая место серому, предрассветному сумраку. Где-то в порту загудел первый корабль, где-то залаяла собака, запел петух в чьем-то дворе.

Юкио встал, подошел к окну. Город просыпался. Серый, холодный, но живой. Кварталы русские, японские, корейские, китайские — все вместе, на одной земле. Люди, которые не знали о проекте Цутомо, о завещании Петра, о том, что где-то на Сахалине, возможно, до сих пор хранятся образцы агента, способного убить целый город. Люди, которые просто жили. Работали. Торговали. Растили детей. Ждали.

Юкио посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Они были спокойными, твердыми, готовыми.

Утро наступало. Пришло время решать.

Он убрал папки в ящик стола, запер его на ключ. Ключ положил в карман, рядом с письмом, которое привело его в архив. Снял китель, повесил на спинку стула, лег на кровать, не раздеваясь, глядя в потолок, где играли тени от первых лучей солнца.

Он не спал. Он ждал. Ждал рассвета, когда нужно будет идти в администрацию, смотреть в глаза Кабояси, работать, жить в этом городе, на этой земле, с этим знанием.

И думал о том, что, может быть, это и есть то, что искал его дед. Не ответы. Не правду. Не справедливость. А способность жить с вопросами. Способность помнить. Способность не повторять.

Байкал помнит, — сказал Хранитель.

Первый луч солнца пробился сквозь неплотно задернутую занавеску и упал прямо на лицо Юкио. Он не пошевелился. Сон был глубоким, без сновидений, — тем спасительным забытием, которое приходит только когда тело и разум достигают предела.

В дверь постучали. Один раз. Второй. Тишина.

— Господин Танака? — голос за дверью был неуверенным, почти шепотом. — Господин Танака, вы там?

Никакого ответа.

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул молодой человек в очках, в форме младшего сотрудника администрации. Его звали Кэнтаро — Юкио видел его мельком вчера, когда проходил по коридору. Кэнтаро держал в руках стопку папок, перевязанных бечевкой, и выглядел так, будто только что наткнулся на нечто, нарушающее все мыслимые правила приличия.

Он увидел Юкио, склонившегося над столом, головой на сложенных руках. Форма измята, воротник сбился, лицо бледное, почти серое в утреннем свете.

— Господин Танака! — голос Кэнтаро сорвался на фальцет. Он обернулся в коридор, где маячила фигура секретарши — той самой женщины тридцати лет, что вчера открывала перед ним дверь Кабояси. — Сатоко-сан, он... он не двигается!

Секретарша вошла в кабинет быстрым, бесшумным шагом. Ее лицо, обычно невозмутимое, на мгновение дрогнуло. Она подошла к столу, осторожно коснулась плеча Юкио.

— Господин Танака, — сказала она тихо, но твердо. — Проснитесь.

Юкио дернулся, словно от удара. Голова поднялась, глаза распахнулись — мутные, непонимающие. Он моргнул раз, другой, пытаюсь понять, где находится. Стол. Папки. Карта на стене. Чужой кабинет. Чужой город.

— Что... — начал он, и голос его прозвучал хрипло, как у человека, который долго молчал.

— Вы уснули за столом, — сказала секретарша, и в ее голосе промелькнуло что-то, отдаленно напоминающее укоризну, но приглушенное вежливостью. — Сотрудники испугались, когда вы не ответили на стук. Решили, что... — она не договорила, оставив концовку висеть в воздухе.

«Что я умер», — мысленно закончил Юкио. Он провел рукой по лицу, стирая остатки сна. Шея затекла, спина болела, во рту было сухо, как в пустыне.

— Я в порядке, — сказал он, выпрямляясь. — Просто... дорога была долгой.

Кэнтаро, стоявший за спиной секретарши, облегченно выдохнул и переступил с ноги на ногу, сжимая папки так, что бечевка впивалась в пальцы.

— Я принес документы, господин Танака, — сказал он, чуть кланяясь. — Те, с которыми вы должны будете работать. Еженедельные сводки по порту, отчеты по продовольственному снабжению, списки назначений, финансовые ведомости...

Он выложил папки на край стола, одну за другой, и в этом жесте было что-то от того, как собака приносит брошенную палку, — старательно, с надеждой на одобрение.

Юкио смотрел на гору бумаг, и чувство, которое он испытывал, нельзя было назвать иначе, чем легким ужасом. Он учился управлению в университете, читал книги, разбирал кейсы. Но это — живые цифры, реальные проблемы, город, который ждал решений — было другим. Осязаемым. Тяжелым.

— И еще... — Кэнтаро замаялся, покосился на секретаршу, потом полез в карман и извлек оттуда небольшой запечатанный конверт. — Это пришло утром. Вам. С просьбой спуститься в архив.

Юкио взял конверт. Бумага была плотной, не той, что используют для служебных записок, а более дорогой, с легкой текстурой. На лицевой стороне — его имя, выведенное аккуратным, каллиграфическим почерком. Ни подписи, ни печати. Только имя.

— Кто передал? — спросил он, поворачивая конверт в руках.

— Э... — Кэнтаро покраснел. — Его просто оставили на посту охраны. Сказали, что для нового заместителя управляющего. Охранник не рассмотрел, кто принес, — утро, смена, суета...

Секретарша бросила на Кэнтаро быстрый, оценивающий взгляд, потом перевела его на конверт в руках Юкио. В ее глазах мелькнуло что-то — беспокойство? Любопытство?

— Я распоряджусь, чтобы вам принесли чай и что-нибудь поесть, — сказала она, отступая к двери. — Господин Кабояси сегодня занят, но просил передать, что ждет вашего первого отчета к концу недели.

— Благодарю, — кивнул Юкио.

Она вышла. Кэнтаро задержался на секунду, явно желая что-то спросить, но передумал, поклонился и тоже исчез за дверью.

Юкио остался один.

Он посмотрел на конверт. Бумага пахла чем-то неуловимым — может быть, пылью старых книг, может быть, ладаном. Или просто тем особенным запахом, который бывает у архивов: сухим, вековым, тяжелым.

Он сломал печать.

Внутри был сложенный вдвое лист бумаги, исписанный тем же аккуратным, каллиграфическим почерком. Без обращения. Без подписи. Только несколько строк:

«В архиве, секция К-7, полка 14, дело 88. То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец. Приходите сегодня, после заката. Спросите Хранителя. Скажите: "Байкал помнит". Приходите один».

Юкио перечитал послание трижды.

То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец.

Пальцы, державшие лист, дрогнули. Он смотрел на слова, и где-то глубоко внутри, в том месте, которое он старался не тревожить, зашевелилось что-то — не страх, не надежда, а что-то большее, древнее, как инстинкт. *Байкал помнит*. Байкал. Озеро в Сибири, у которого его дед, говорят, проводил свои исследования. Место, где всё начиналось. И где, возможно, всё еще ждало своего часа.

Он сунул письмо во внутренний карман кителя, где уже лежало запечатанное послание от Кабояси, которое он так и не вскрыл.

Два письма. Два секрета. Два пути.

Юкио подошел к окну. Город просыпался. В порту уже гремели краны, по улицам тянулись грузовики, люди спешили на работу — русские, японцы, корейцы, китайцы. Все вместе, в одном городе, на одной земле. Архив находился где-то там, в старом центре, среди зданий, которые помнили еще русских царей.

Он не знал, кто прислал это письмо. Не знал, зачем. Не знал, можно ли верить. Но он знал одно: он приехал сюда не для того, чтобы сидеть в кабинете и перекладывать бумаги.

В дверь снова постучали. Вошел Кэнтаро с подносом — чай, рис, мисо-суп, немного маринованных овощей. Поставил на стол, поклонился, собираясь уходить.

— Кэнтаро-сан, — окликнул его Юкио.

Молодой человек замер на пороге.

— Да, господин Танака?

— Архив. Старое здание, в центре. Оно еще работает?

Кэнтаро удивился вопросу, но быстро взял себя в руки.

— Да, господин. Там хранятся старые документы — еще с русских времен. Но... — он замялся, — туда редко кто ходит. Говорят, там темно и холодно. И... — он понизил голос, — говорят, там водятся призраки. Русские. Которые не ушли.

Юкио чуть заметно улыбнулся.

— Призраки, значит.

— Старожилы говорят, что некоторые документы сами собой перемещаются с полки на полку, — Кэнтаро говорил серьезно, но в глазах его прыгали веселые искорки. — А иногда по ночам слышен голос, который читает вслух. На русском. Но я не верю, конечно. Это просто... старые байки.

— Конечно, — согласился Юкио. — Скажи, там есть смотритель? Хранитель?

— Есть. Старик. Его все зовут Хранитель, я даже имени его не знаю. Он там живет, кажется. С ним никто не разговаривает. Говорят, он еще с русских времен там работает. Или... — Кэнтаро запнулся, — или он сам — призрак.

Он засмеялся собственной шутке, но смех вышел нервным.

— Спасибо, Кэнтаро-сан. Можешь идти.

Дверь закрылась.

Юкио сел за стол, выпил чай, съел рис, чувствуя, как силы понемногу возвращаются. Потом открыл первую папку, пробежал глазами цифры, названия, фамилии. Порт. Поставки. Налоги. Квартальные отчеты. Всё это было важно. Всё это было его работой.

Но мысли его были далеко. В архиве. В секции К-7. В деле, которое искал его дед и не нашел отец.

Он закрыл папку, посмотрел на часы на стене. Было утро. Закат наступит через много часов. Было время работать. И время ждать.

Юкио взял следующую папку и погрузился в цифры, чувствуя, как внутри, глубоко, тихо тикает счетчик времени. До вечера. До архива. До ответов, которых он не знал, хочет ли получить.

Но знал — должен.

Юкио работал, не поднимая головы. Цифры, фамилии, отчеты — всё смешалось в сплошной поток, который он пытался удержать в голове, раскладывая по полочкам, выстраивая связи, запоминая детали. Порт Владивостока — *Тоёхары* — обрабатывал за месяц столько грузов, сколько весь Токийский залив двадцать лет назад. Три четверти из них шло через китайских посредников. Продовольственные карточки для местного населения — русских — были на двадцать процентов меньше, чем для японских переселенцев. В корейских кварталах свирепствовал черный рынок, который никто не мог контролировать. Китайские торговые дома скупали недвижимость в центре, вытесняя японских предпринимателей. Русские рыбаки отказывались регистрировать свои суда по новым правилам, и портовые власти закрывали на это глаза, потому что без них порт вставал.

Он делал пометки в блокноте, раз за разом возвращаясь к странице, где было написано материнское: *«Не верь громким словам»*. Под ним появлялись новые строчки — его собственные, пока еще робкие выводы:

«Экономика держится на компромиссах. Каждый компромисс — это слабость. Каждая слабость — возможность для тех, кто ждет».

Стопка прочитанных папок росла, стопка непрочитанных — таяла. Юкио уже перестал замечать, как меняется свет за окном: утреннее золото сменилось серой моросью, потом тучи разошлись, и солнце заиграло на волнах, превратив бухту в расплавленное серебро.

Он не слышал, как открылась дверь. Только когда тень упала на стол, поднял голову.

В дверях стоял Сорозиро Кабояси.

Губернатор был без кителя — в простой темно-синей рубашке с расстегнутым верхним воротником, рукава закатаны до локтя. Без официальной формы он выглядел старше, человечнее, и от этого Юкио почувствовал себя неловко — будто застал начальника в неподобающем виде, хотя на самом деле это начальник застал его.

— Не помешал? — голос Кабояси был спокойным, почти дружеским.

Юкио вскочил, едва не опрокинув стул, и склонился в поклоне.

— Господин губернатор, простите, я не слышал...

— Расслабься, — Кабояси вошел в кабинет и огляделся. — Я просто хотел посмотреть, как ты устроился.

Он посмотрел. И, судя по выражению лица, увиденное его не то чтобы разочаровало, но явно вызвало легкое недоумение.

Кабинет представлял собой странную картину. На столе, помимо разложенных веером папок, стояла наполовину пустая деревянная коробка с материнскими пельменями, рядом — кружка с остывшим чаем, в которой плавала одинокая чайника. На стуле висела студенческая форма, которую Юкио так и не убрал в шкаф. Из сумки, стоящей в углу, вываливался край свитера. Калькулятор отца был водружен поверх стопки финансовых отчетов, словно памятник чему-то личному среди казенных бумаг. И поверх всего этого — карта города, которую Юкио снял со стены и расстелил на полу, чтобы отметить кварталы, о которых читал в отчетах.

На карте красным карандашом были обведены русский рынок, корейская слобода, китайские торговые ряды и старый архив в центре.

Кабояси прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Остановился у карты на полу, склонил голову, разглядывая красные кружки.

— Архив, — сказал он, не оборачиваясь. — Зачем тебе архив?

Юкио замер. Сердце на секунду пропустило удар. Письмо в кармане вдруг показалось тяжелым, как камень. Он не знал, можно ли говорить о нем. Не знал, кому верить. Кабояси дал ему свободу — но какая свобода бывает в империи?

— Я... — он запнулся, подбирая слова. — В отчетах много ссылок на старые документы. Русские кадастры, карты землепользования, списки собственников. Если мы не понимаем, кому что принадлежало раньше, мы не поймем, почему люди сейчас сопротивляются.

Кабояси медленно повернулся. Его лицо было непроницаемым, но в глазах — тех самых, печальных, глубоких — мелькнуло что-то, похожее на одобрение.

— Умно, — сказал он. — Большинство чиновников, приезжающих из Токио, первым делом требуют новый стол, новую машину и квартиру в центре. Ты первым делом снял карту и начал изучать город. Это... правильно.

Он посмотрел на коробку с пельменями, на калькулятор отца, на студенческую форму, все еще висящую на спинке стула.

— Но вещи, Танака, надо разобрать, — в голосе губернатора послышалась едва уловимая нотка — то ли насмешка, то ли отеческая забота. — Ты здесь не на неделю. Домой тебя в ближайшее время не отпустят. Так что пора обустраиваться.

Он подошел к шкафу, открыл его. Внутри было пусто — только несколько вешалок и коробка с канцелярскими принадлежностями на нижней полке.

— Квартира? — спросил Юкио, чувствуя себя неловко под взглядом губернатора, который рассматривал его скарб с таким видом, будто оценивал боеспособность нового подразделения.

— Уже готова. В центре, недалеко от набережной. Трехкомнатная, с видом на порт. Предыдущий управляющий там жил. Хороший был человек. — Кабояси помолчал. — Его убили прошлой зимой. Китайские наемники. Или русские партизаны. Или свои. Следствие не нашло виновных.

Сказано это было будничным тоном, словно речь шла о смене постельного белья.

— Я понял, — ровно ответил Юкио.

— Не бойся, — Кабояси закрыл шкаф и повернулся к нему. — Если бы я думал, что тебя убьют в первую неделю, я бы не приглашал тебя. Ты нужен мне живым. Пока что.

Он усмехнулся, и на мгновение Юкио увидел в нем не губернатора, а старого солдата, который давно перестал бояться смерти и научился шутить над тем, что пугает других.

— Вечером пришло машину, — продолжил Кабояси. — Отвезешь вещи в квартиру. Разберешься. А завтра начнешь нормальную работу. С обхода. Без бумаг. — Он кивнул на стол, заваленный папками. — Бумаги — это мертвое. Город — живое. Иди, смотри, слушай. Как я тебе вчера сказал.

— Я помню, — сказал Юкио.

— Хорошо. — Кабояси направился к выходу, но у двери остановился. Обернулся, посмотрел на карту, расстеленную на полу, на красные кружки, на архив, обведенный старательно, чуть дрожащей линией.

— Архив, — повторил он, и в голосе его вдруг появилась странная, новая нотка. — Там действительно много старого. Русского. Некоторые вещи лучше не трогать. Они... тяжелые.

Юкио почувствовал, как письмо в кармане снова напоминает о себе — тяжестью, теплом, может быть, просто его собственным сердцем, забившимся чаще.

— Я буду осторожен, — сказал он.

Кабояси посмотрел на него долгим взглядом. В глазах губернатора было что-то, чего Юкио не смог прочитать: то ли предостережение, то ли разрешение, то ли знание, которое он не мог — или не хотел — передать словами.

— Будь, — сказал он наконец. — Будь осторожен, Танака. Это хороший город. Но он не прощает ошибок.

Дверь закрылась.

Юкио стоял посреди кабинета, глядя на закрытую дверь, и чувствовал, как внутри нарастает странное, незнакомое чувство. Не страх. Не решимость. Что-то среднее между ними — может быть, то самое понимание, о котором говорил Кабояси. Понимание того, что он здесь не случайно. Что каждый его шаг — на карту, на пол, на бумагу — имеет значение. Что в этом городе, на этой земле, где смешались империи, языки, судьбы, есть что-то, что ждет его. Что-то, что искал его дед. Что-то, что не нашел его отец.

Он посмотрел на коробку с пельменями, на калькулятор отца, на студенческую форму, все еще висящую на стуле. Вещей было полно, и они были не разобраны. Но время разбирать их еще не пришло.

Сначала нужно было понять, зачем он здесь.

Юкио подошел к окну. Солнце клонилось к закату, окрашивая бухту в багрянец и золото. Где-то там, в старом центре, в здании, которое помнило еще русских царей, ждал архив. Ждал Хранитель. Ждало дело под номером восемьдесят восемь, в секции К-7, на четырнадцатой полке.

Он дотронулся до кармана, где лежало письмо.

«Приходите сегодня, после заката».

Закат был уже близко.

Юкио сел за стол, закрыл последнюю папку, сложил свои заметки в блокнот и убрал его в ящик. Потом встал, подошел к стулу, снял студенческую форму, аккуратно сложил и убрал в шкаф. Свитер — туда же. Калькулятор отца поставил на полку, рядом — коробку с пельменями. Материнскую еду надо было доесть, но не сегодня. Сегодня было другое.

Он посмотрел на себя в маленькое зеркало на стене. Китель сидел хорошо, но лицо было бледным, под глазами залегли тени. Дорога, бессонная ночь, первый день в новом городе, горы бумаг — всё это оставило след. Но глаза смотрели ясно.

Байкал помнит, — сказано было в письме.

Юкио поправил воротник, глубоко вздохнул и вышел из кабинета.

В коридоре было тихо. Секретарша уже ушла, Кэнтаро, наверное, тоже. Только охранник в конце коридора кивнул ему, принимая за своего.

Юкио спустился по лестнице, миновал вестибюль, вышел на улицу.

Город встречал его вечером. Фонари только начинали зажигаться, окрашивая мостовую в желтый. Где-то в порту гудел корабль, где-то на рынке перекликались торговцы, сворачивая товар. В воздухе пахло морем, жареным мясом, дешевым табаком и чем-то еще — может быть, историей. Той самой, тяжелой, которую некоторые вещи лучше не трогать.

Юкио посмотрел в сторону старого центра. Здание архива он запомнил по карте — красный кирпич, высокие окна, башня с часами, которые, говорят, до сих пор идут, хотя никто их не заводил уже лет двадцать.

Он сделал шаг. Потом другой. Потом пошел быстрее, чувствуя, как город принимает его в свои улицы, переулки, тайны.

Архив ждал. Хранитель ждал. И, может быть, ответы ждали тоже. Или новые вопросы. Или что-то, что изменит всё.

Юкио шел, и письмо в кармане грело грудь, как маленькое, упрямое сердце.

Байкал помнит.

Он тоже хотел помнить. И знать. И понять.

Город тем временем погружался в сумерки, готовясь к ночи, которая обещала быть беспокойной.

Улицы встречали его огнями.

Они зажигались не все сразу, а постепенно, словно город просыпался во второй раз — не для работы, а для чего-то другого, более сокровенного. Неон вывесок на китайских кварталах вспыхивал алым и синим, рекламируя рестораны, где пахло уткой по-пекински и дешевым сакэ. Русские лавки светились тусклым желтым — лампочки здесь меняли реже, берегли электричество. Японские магазины сияли ровным белым светом, и на их фоне силуэты продавцов казались четкими, почти театральными.

Юкио шел быстро, но не бежал. Он чувствовал, как город смотрит на него, оценивает. Новый чиновник в форме имперской администрации, заместитель управляющего — это не каждый день появляется на улицах без сопровождения. Взгляды скользили по нему из окон, из-за углов, из приоткрытых дверей. Кто-то с любопытством, кто-то с опаской, кто-то — с той тяжелой, пристальной ненавистью, которая не требует слов.

Он миновал квартал, где русские женщины в платках сидели на лавках у подъездов, переговариваясь вполголоса. Они замолчали, когда он проходил мимо. Только одна, старая, с лицом, изрезанным морщинами, как кора старого дерева, посмотрела ему вслед и негромко сказала:

— Гляди-ка, новый. Молодой совсем. Детей бы нянчить, а он — править приехал.

Юкио сделал вид, что не понял. Или не услышал. Но слова зацепились где-то внутри, засели занозой.

Потом был корейский квартал. Здесь жизнь кипела даже в сумерках — женщины в ярких платьях торговали кимчи с лотков, мужчины играли в го под фонарями, дети бегали между взрослыми, смеясь и крича на смеси языков. Запах чеснока и острого перца стоял такой, что першило в горле. Кто-то окликнул его по-японски, предлагая купить «самый лучший чай в городе», но Юкио только покачал головой и ускорил шаг.

Китайский квартал был другим. Здесь всё было выверено, спокойно, почти незаметно. Лавки выглядели одинаково, фасады — чистыми, вывески — скромными. Но Юкио чувствовал: под этой показной скромностью течет другая жизнь, та, которую не видно с улицы. На перекрестке он заметил группу мужчин в деловых костюмах, которые о чем-то тихо переговаривались у черной машины — *Харбин-12*, новенькой, с тонированными стеклами. Один из них, с короткой стрижкой и тяжелым взглядом, проводил Юкио глазами до самого конца улицы.

Он снова свернул, и старый центр открылся перед ним внезапно, как книга, которую перевернули на нужной странице.

Здесь не было неона. Здесь не было новых построек. Здесь время замерло где-то в начале века, когда Владивосток был русским, китайским, корейским, японским — всем сразу, но ничьим до конца. Дома из красного кирпича с облупившейся штукатуркой, высокие окна с полукруглыми арками, кованые ворота, которые никто не открывал годами. На одном из зданий Юкио разглядел остатки старой вывески — русские буквы, почти стертые временем, и под ними японские иероглифы, нанесенные поверх краской, которая тоже уже выцвела.

Архив стоял в конце улицы, у самого обрыва, откуда открывался вид на бухту.

Здание было массивным, трехэтажным, из темно-красного кирпича, с башней в центре и часами под самой крышей. Часы шли. Стрелки показывали без пятнадцати восемь, и Юкио слышал их тиканье даже снаружи — мерное, тяжелое, как бой старого сердца. Окна первого этажа были зарешечены, второго — затянуты пыльной тканью, третьего — темны, пусты, как глазницы. Входная дверь — массивная, дубовая, обитая почерневшим железом — была открыта, и изнутри тянуло холодом и запахом старой бумаги, пыли, вековой тишины.

Юкио остановился перед дверью. Письмо в кармане вдруг показалось горячим. Он достал его, перечитал последнюю строчку: «*Спросите Хранителя. Скажите: "Байкал помнит"*».

Позади, на улице, зажглись еще несколько фонарей, но их свет не доходил сюда. Архив стоял в своей собственной темноте, отделенный от города невидимой чертой, которую переступали немногие.

Юкио толкнул дверь.

Она открылась с протяжным, жалобным скрипом, и холод дохнул в лицо — не тот, что с моря, а другой, глубокий, подвальный, пахнущий плесенью и временем. Внутри было темно. Только далеко в конце коридора горела одна-единственная лампочка, отбрасывая бледный круг на каменный пол.

Коридор тянулся вглубь, теряясь в темноте. По обеим сторонам — двери, запертые или просто закрытые, с табличками, которые Юкио не мог разобрать в полумраке. Пол был выложен каменной плиткой, стертой до блеска тысячами ног, которые ходили здесь задолго до него. На стенах — следы от снятых портретов, гвозди, на которых что-то висело, но что — уже никто не помнил.

— Есть кто? — голос Юкио прозвучал глухо, придавленный толщей камня и бумаги.

Тишина. Только часы где-то наверху продолжали свое мерное тиканье, и где-то далеко, в недрах здания, капала вода — кап, кап, кап.

Юкио сделал несколько шагов вперед. Под ногами скрипнула половица, и звук разнесся по коридору, как выстрел.

— Я ищу Хранителя, — сказал он громче, и эхо подхватило его слова, унося в темноту.

Сначала ничего не произошло. Потом — в самом конце коридора, там, где горела лампочка, — он услышал шорох. Медленный, тяжелый, как будто кто-то вставал с кресла, в котором просидел слишком долго.

— Хранитель? — повторил Юкио, и в голосе его, несмотря на все усилия, проскользнула нотка неуверенности.

Шорох приближался. Теперь Юкио слышал шаги — медленные, шаркающие, неторопливые. Старик. Или не старик? Шаги звучали так, будто человек, который их делал, знал каждую половицу, каждую трещину в камне, каждую дверь, мимо которой проходил.

В конце коридора показалась фигура.

Сначала Юкио увидел только силуэт — сгорбленный, узкий, в длинном плаще, который волочился по полу. Потом лицо — морщинистое, с глубокими тенями под глазами, с длинной седой бородой, которая почти сливалась с плащом. Старик был стар, очень стар — настолько, что возраст его нельзя было определить. Восемьдесят? Девяносто? Сто? Может быть, он был здесь всегда, с тех пор, как построили это здание, и просто ждал, когда придет тот, кто скажет нужные слова.

Старик остановился в нескольких шагах от Юкио. Глаза его — светлые, выцветшие, как небо над морем в зимний день — смотрели спокойно, без страха, без любопытства, с чем-то, что можно было назвать только ожиданием.

— Ты пришел, — сказал старик. Голос его был сухим, как шелест страниц, но слова падали тяжело, с весом, который не имел ничего общего с громкостью.

— Я ищу Хранителя, — ответил Юкио.

— Я Хранитель.

Юкио помолчал, чувствуя, как в горле пересохло. Письмо в кармане жгло кожу.

— Мне сказали прийти. Сказали, что здесь есть то, что искал мой дед. То, что не нашел мой отец.

Старик не ответил. Только смотрел, и взгляд его — светлый, выцветший, древний — проходил сквозь Юкио, сквозь его форму, сквозь слова, которые он еще не сказал.

— Байкал помнит, — произнес Юкио, и слова эти прозвучали странно в тишине архива, как заклинание, как ключ, вставляемый в замок.

Хранитель медленно, очень медленно кивнул. И в этом кивке было что-то, что нельзя было назвать ни согласием, ни приветствием. Это было узнавание.

— Байкал помнит, — повторил старик, и в его голосе вдруг появилось что-то новое — не сухость страниц, а глубина, как у озера, которое не знает дна. — А ты помнишь, мальчик? Ты помнишь, зачем пришел?

Юкио хотел сказать что-то — о работе, о долге, о поручении Кабояси, о том, что он просто чиновник, который хочет понять город. Но слова застряли в горле, потому что он вдруг понял: это неправда. Он пришел сюда не как чиновник. Не как заместитель управляющего. Он пришел как внук человека, который искал здесь что-то и не нашел. Как сын человека, который уехал в Маньчжурию и не вернулся.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я не знаю, зачем пришел. Но я здесь.

Хранитель смотрел на него долго, очень долго. Потом повернулся и пошел в глубь коридора, туда, где горела одна-единственная лампочка, отбрасывая бледный круг на каменный пол.

— Иди за мной, — сказал он, не оборачиваясь. — Я покажу тебе то, что искал твой дед. То, что не нашел твой отец.

И Юкио пошел.

Шаги его гулко отдавались в коридоре, смешиваясь с тиканьем часов, с капаньем воды, с шорохом плаща Хранителя, который волочился по полу, как хвост древнего, уставшего зверя. Они шли мимо закрытых дверей, мимо полок с папками, которые никто не открывал десятилетиями, мимо столов, заваленных бумагами, которые никто не читал, мимо темноты, которая сгущалась за каждым поворотом, чтобы расступиться перед ними снова.

Архив был огромен. Он был не просто зданием — он был памятью города, его душой, его тайной. И Юкио чувствовал, как эта память входит в него, тяжелая, холодная, чужая, но почему-то — своя.

Они шли долго. Или недолго — время здесь текло иначе, подчиняясь не часам на башне, а чему-то другому, более древнему.

Наконец Хранитель остановился перед дверью. Она ничем не отличалась от других — такая же тяжелая, с почерневшей бронзовой ручкой и табличкой, на которой почти стерлись буквы. Но старик не открывал ее. Он стоял, положив ладонь на ручку, и смотрел на Юкио.

— Ты уверен? — спросил он. — За этой дверью — то, что изменит тебя. То, что изменило твоего деда. То, из-за чего твой отец уехал и не вернулся. Если ты войдешь — назад дороги не будет.

Юкио посмотрел на дверь. Потом на Хранителя. Потом снова на дверь.

Он вспомнил мать, которая ждала в Токио. Кабояси, который смотрел на карту и говорил о тяжести. Полковника Танако, который искал свиток, способный уничтожить две империи. Деда, который исчез, слишком много поняв. Отца, который уехал строить новую жизнь и пропал.

Он вспомнил слова, написанные в блокноте: *«Не верь громким словам»*.

Здесь не было громких слов. Была тишина. Была дверь. Был выбор.

— Я войду, — сказал Юкио.

Хранитель кивнул. Открыл дверь.

И Юкио шагнул внутрь, в темноту, которая ждала его так долго, что уже почти забыла, зачем ждала. Но не забыла.

Никогда не забывала.

Комната была маленькой, тесной, заваленной папками, которые громоздились на полу, на стульях, на подоконнике. Воздух здесь был спертый, тяжелым, пахло не просто пылью, а

чем-то более едким, въевшимся в стены, в бумагу, в само время. Юкио почувствовал это сразу — запах, от которого першило в горле и хотелось зажать нос.

Хранитель остался за дверью. Он не вошел, только стоял на пороге, держась за косяк, и смотрел на Юкио своими светлыми, выцветшими глазами.

— Полка четырнадцать, — сказал он тихо. — Дело восемьдесят восемь. Оно там, где вы его оставили.

«Вы»? Юкио хотел спросить, кого имел в виду старик, но тот уже отступил в коридор, и дверь закрылась с мягким, почти неслышным щелчком.

Юкио остался один.

Он огляделся. Стеллажи тянулись вдоль стен, уходя вверх, к высокому потолку, теряясь в темноте. Некоторые полки были пусты, другие — забиты папками, которые гнулись под собственной тяжестью. На одной из них, на уровне груди, тускло поблескивала металлическая табличка: «К-7».

Он подошел ближе. Сердце стучало где-то в горле, хотя он не мог объяснить почему. Это был просто архив. Просто старые бумаги. Просто...

Он нашел четырнадцатую полку. Папка стояла ровно посередине, между двумя другими, такими же выцветшими, с почти стершимися корешками. Но на этой — еще можно было разобрать номер: *88*. И ниже, чернилами, которые когда-то были черными, а теперь стали бурыми, почти ржавыми: «Проект Цутомо. Сахалин. 1951–1953».

Юкио взял папку в руки. Она была тяжелой, плотной, и когда он открыл ее, запах ударил с новой силой — химия, старое железо, и что-то еще, сладковато-приторное, от чего к горлу подступила тошнота.

Первые страницы были машинописными, на японском, с грифом «Совершенно секретно». Юкио читал, и с каждым словом мир вокруг него становился другим.

«Проект Цутомо. Цель: разработка и испытание комбинированного агента на основе соединений фосфора, ртути и продуктов распада урана-235. Агент должен обеспечивать 100% летальность среди гражданского населения на площади до 50 квадратных километров при сохранении инфраструктуры и материальных ценностей. Применение: территории бывшего СССР, заселенные этническими группами, не подлежащими ассимиляции».

Руки Юкио дрожали. Он перелистывал страницы, и перед ним разворачивалась картина, от которой кровь стыла в жилах.

Схемы полигонов. Карты Сахалина с отмеченными секторами. Фотографии — черно-белые, нерезкие, от которых невозможно было оторвать взгляд. Люди в защитных костюмах на фоне бетонных строений. Столбы дыма над тайгой. И другие фотографии — те, что были сделаны после.

Он перевернул страницу и замер.

Снимок был сделан на берегу моря. На переднем плане — несколько десятков людей, стоящих в ряд. Нивхи. Юкио узнал их по одежде, по лицам — широким, скуластым, с глазами, которые смотрели в камеру с тем спокойствием, которое бывает только у тех, кто уже знает, что умрет. Рядом с ними — японские военные в защитных костюмах. Надпись под фотографией гласила: «Испытательный полигон №4, поселок Ныйво, 12 августа 1952 года. Образцы: 47 человек (местное население). Контрольная группа: 12 человек. Результаты: 100% летальность в течение 72 часов. Контрольная группа — 0%».

Юкио закрыл глаза. Но изображение осталось под веками.

Он читал дальше, страницу за страницей, и каждая была хуже предыдущей. Технические отчеты, где люди назывались «образцами» и «биоматериалом». Списки «доноров» — нивхи, уйльта, русские староверы, корейцы, которых согнали с оккупированных территорий. Сравнительные таблицы эффективности: сколько человек умерло от удушья, сколько — от внутреннего кровотечения, сколько — от отказа нервной системы.

«Наибольшая эффективность агента зафиксирована при концентрации 0,3 мл на кубический метр. Летальность — 98,7%. При концентрации 0,5 мл — 100%. Побочные эффекты: полное уничтожение растительности в радиусе 2 км, заражение почвы на срок до 15 лет».

На полях одной из страниц был приписан от руки комментарий, сделанный тем же почерком, что и письмо, которое привело его сюда:

«Это не оружие. Это самоубийство. Земля, на которой мы применим это, станет мертвой на поколения. Наши дети не смогут жить здесь. Их дети — тоже. Зачем нам победа, если нечего будет передать потомкам?»

Юкио узнал этот почерк. Он видел его сегодня утром, на конверте, который принес Кэнтаро. Тот же аккуратный, каллиграфический почерк. Тот же, кто написал письмо с приглашением в архив, кто-то делал эти пометки. Кто-то, кто был там. Кто-то, кто видел.

Дальше шли документы, которые заставили его сердце биться еще быстрее.

«Докладная записка принцу Ясухито. О проекте Цутомо».

«Ваше Императорское Высочество. Довожу до вашего сведения, что вопреки приказу о прекращении испытаний, губернатор Сахалина Акира Ватабэ продолжает работы по проекту Цутомо в сокращенном объеме. Полигон №7 в районе Южно-Сахалинска функционирует до сих пор. Лабораторные образцы агента хранятся в специальном бункере. По имеющимся сведениям, господин Ватабэ намеревается использовать результаты проекта как аргумент в политической борьбе за пост губернатора Дальневосточного округа».

Юкио перечитал этот абзац трижды. Акира Ватабэ. Бывший губернатор Сахалина. Тот, кто, по словам Кабояси, хотел занять его место. Тот, кто, возможно, был готов использовать химическое оружие, чтобы доказать свою эффективность. Тот, кто продолжал испытания, даже когда принц Ясухито — брат императора — приказал их прекратить.

Следующая страница была другой. Это был не машинописный отчет, а письмо, написанное от руки, на плотной бумаге с императорским гербом. Юкио узнал почерк — благородный, размашистый, уверенный. Письмо принца Ясухито.

«Господину Кабояси, губернатору Дальневосточного округа.

Я ознакомился с материалами проекта Цутомо. Это не оружие. Это позор нашей империи. Мы победили в войне, чтобы установить новый порядок, а не чтобы повторять ошибки тех, кого мы победили. Испытания должны быть прекращены немедленно. Все образцы агента — уничтожены. Все документы — засекречены и помещены в архив, недоступный для лиц, не имеющих специального разрешения. Люди, ответственные за продолжение испытаний после моего приказа, должны быть наказаны.

Я не могу сделать это публично. Империя не готова узнать правду. Но вы, Кабояси, должны знать. И вы должны сделать всё, чтобы этот проект никогда не получил продолжения.

Подпись: Принц Ясухито. 15 марта 1954 года».

Юкио опустил письмо. Руки его тряслись. Он смотрел на стопку бумаг перед собой и понимал, что держит в руках не просто документы. Он держит тайну, которая может уничтожить всё. Кабояси, полковник Танако, Акира Ватабэ, принц Ясухито — все они знали. И все молчали. Империя победила, но цена этой победы была написана здесь, на этих пожелтевших страницах.

Он перевернул последнюю страницу. Там была приклеена фотография. Старая, выцветшая, с неровными краями.

На фотографии были трое мужчин. Они стояли на фоне бетонного здания, в защитных костюмах, с масками, сдвинутыми на лбы. Первого Юкио узнал сразу — молодой Сородзиро Кабояси, с жестким, решительным лицом, без той печали, которая была в его глазах теперь. Второй был незнаком — высокий, с резкими чертами лица, с холодными, прищуренными глазами. Надпись на обороте гласила: «Акира Ватабэ, губернатор Сахалина».

А третий...

Сердце Юкио остановилось, потом забилося снова, часто, больно, так, что он почувствовал, как кровь приливает к лицу, а потом отливает, оставляя холод.

Третий был его отец. Кихэй Танака. Молодой, с живыми, смеющимися глазами, в такой же форме, как и другие двое, с такой же сдвинутой на лоб маской. Надпись под фотографией, сделанная тем же каллиграфическим почерком, что и пометки на полях:

«Полигон №4, август 1952. Инспекция. Кихэй Танака, специальный представитель министерства по делам колоний. Присутствовал при испытаниях. После возвращения в Токио подал рапорт с требованием прекратить проект. Отправлен в Маньчжурию. Дальнейшая судьба неизвестна».

Юкио сидел на полу архива, прижимая к груди папку, и не мог дышать. Отец не пропал в Маньчжурии. Отец знал. Отец видел то, что было на этой фотографии. Отец подал рапорт. И его отправили. Туда, откуда не возвращаются.

Акира Ватабэ продолжал испытания. Кабояси, который был там, на полигоне, стал губернатором. Принц приказал закрыть проект, но документы спрятал в архив, где они пролежали семь лет. И теперь Ватабэ хотел занять место Кабояси.

Юкио закрыл папку. Руки его были ледяными, но лоб горел.

Он услышал, как скрипнула дверь, и поднял голову. На пороге стоял Хранитель, глядя на него своими светлыми, выцветшими глазами.

— Ты нашел, — сказал старик. Это был не вопрос.

— Мой отец... — голос Юкио сорвался. — Он был там. Он видел.

Хранитель медленно кивнул.

— Твой отец был честным человеком. Он подумал, что правда важнее карьеры. Что правда важнее империи. Он ошибся. Империя не прощает тех, кто говорит правду.

— Кабояси... он тоже был там. Он тоже видел.

— Кабояси выбрал молчание. Он думал, что сможет остановить это изнутри. Он стал губернатором, чтобы иметь власть. Но власть, Танака, — это не то, что дает тебе свободу. Это то, что отнимает ее.

Юкио смотрел на папку в своих руках. В ней было всё. Правда о проекте Цутомо. Правда о его отце. Правда об империи, которая праздновала победу, пока ее солдаты травили людей на полигонах.

— Что мне делать? — спросил он. Голос его был чужим, далеким.

Хранитель молчал долго. Потом подошел к полке, снял с нее еще одну папку — такую же старую, такую же пыльную — и положил перед Юкио.

— Твой дед искал правду о прошлом. Твой отец нашел правду о настоящем. Может быть, ты найдешь правду о будущем. — Он коснулся пальцем новой папки. — Здесь — завещание Петра. Копия, которую твой дед перевел на японский перед тем, как исчез. Оно не принесет мир. Оно не остановит войну. Но оно объяснит, почему всё это происходит.

Юкио взял папку. Она была тоньше, легче, но тяжесть ее была другой — не физической, а той, что ложится на душу.

— Иди, — сказал Хранитель. — У тебя есть время до рассвета. Потом... потом ты должен будешь решить, что делать с тем, что узнал.

Юкио поднялся. Ноги были ватными, голова кружилась. Он прижал обе папки к груди, чувствуя, как через них, через старую бумагу, вьвшуюся химию и пыль веков, к нему прикасается что-то огромное, древнее, беспощадное.

— Хранитель, — спросил он, уже стоя на пороге. — Кто вы? Почему вы здесь?

Старик посмотрел на него, и в его светлых, выцветших глазах вдруг мелькнуло что-то, похожее на улыбку.

— Я — тот, кто помнит. Байкал помнит. А я помню Байкал. Этого достаточно.

Юкио вышел в коридор. Часы на башне пробили полночь. Двенадцать ударов, тяжелых, медленных, как отсчет времени, которого оставалось всё меньше.

Он шел по длинному коридору, прижимая к груди папки, и чувствовал, как мир вокруг него меняется. Токио, мать, праздник, пестрые машины, поезд, полковник Танако, Кабояси, город на сопках — всё это было частью чего-то большего, страшного, неизбежного.

Он вышел на улицу. Ночь была холодной, звездной. Где-то в порту гудел корабль, где-то лаяли собаки, где-то играла музыка — русская, печальная, тягучая.

Юкио посмотрел на здание администрации, на светящиеся окна, за которыми, возможно, еще работал Кабояси. Посмотрел на порт, где грузились корабли, везущие товары в империю, которая не знала, что ее победа была построена на крови, которая не высохнет еще поколениями.

Он сжал папки и пошел в ночь.

У него было время до рассвета. Время прочитать. Время понять. Время решить, что делать с правдой, которая могла уничтожить всё.

Империя. Семья. Будущее.

Выбора не было. Он должен был знать.

Ночь обнимала город холодными, влажными руками. Звезды над бухтой казались чужими — не теми яркими, знакомыми огнями, что висели над Токио, а какими-то другими, холодными, равнодушными, как сама эта земля. Папки, прижатые к груди, оттягивали руки, но Юкио не мог ослабить хватку. Они стали частью его, вросли в пальцы, в грудь, в самое сердце.

Он шел по улицам, которые уже начинал узнавать. Мимо китайского квартала, где огни уже погасли и только редкие фонари освещали пустые улицы. Мимо корейского рынка, где на земле еще валялись обрывки газет и капустные листья. Мимо русских домов, где в окнах горел тусклый свет и кто-то негромко, надрывно плакал — женщина, или ребенок, или сам ветер выл в ржавых водосточных трубах.

Встречные попадались редко. Пара военных патрулей, проехавших на грузовике — они скользнули по нему фарами, но останавливаться не стали, узнав форму имперской администрации. Пьяный мужчина в русской телогрейке, сидящий на корточках у забора и бормочущий что-то неразборчивое — Юкио обошел его стороной. Старуха, вышедшая вынести мусор, — она посмотрела на него долгим, тяжелым взглядом, перекрестилась и быстро скрылась за дверь.

Квартира, которую выделил Кабояси, находилась в центре, недалеко от набережной. Дом был старым, еще русской постройки — массивный, из серого камня, с высокими потолками и лепниной на фасаде, которую никто не восстанавливал после войны. Но подъезд был отремонтирован недавно — японские строители заменили двери, поставили новые лампы, выкрасили стены в светлый, казенный цвет. На табличке у входа значилось: «Жилой комплекс имперской администрации».

Юкио поднялся на третий этаж. Ключ ему передали днем, вместе с бумагами, и он теперь лежал в кармане, тяжелый, непривычный. Квартира была угловой, с окнами на порт и на сопки. Дверь — массивная, новая, с японским замком, который щелкнул с неприятным, механическим звуком.

Он вошел.

Внутри было темно и тихо. Юкио нашел выключатель у входа, и свет — резкий, белый, незнакомый — залил прихожую. Квартира оказалась большой, гораздо больше, чем он ожидал. Три комнаты, кухня, ванная, даже небольшая гостиная с видом на бухту. Мебель была казенной, стандартной — стол, стулья, кровать, шкаф, все из светлого дерева, безликое, как в гостинице. На подоконнике стоял горшок с засохшим растением — предыдущий хозяин не успел его выбросить, или поливать, или просто забыл, как забывают всё, когда уходят навсегда.

Юкио прошел в комнату, которая, видимо, предназначалась для кабинета. Стол стоял у окна, и на нем уже лежала стопка чистых листов, несколько карандашей, чернильница. Кто-то подготовил рабочее место, кто-то ждал, что он здесь будет жить и работать. Жить. В этом городе. В этой квартире, где до него жил человек, которого убили прошлой зимой.

Он поставил папки на стол. Руки дрожали, когда он развязывал тесемки, открывал первую папку — ту, что с проектом Цутомо. Документы, фотографии, письма — всё это он уже видел в архиве, но теперь, в тишине пустой квартиры, они выглядели иначе. Страшнее. Настоящее.

Он перечитал письмо отца. «Присутствовал при испытаниях. После возвращения в Токио подал рапорт с требованием прекратить проект. Отправлен в Маньчжурию». Слова плыли перед глазами. Он прочитал их снова и снова, пытаясь услышать голос отца, которого никогда не знал, пытаясь понять, о чем тот думал, когда писал этот рапорт, когда понимал, что его отправляют туда, откуда не возвращаются.

Потом он открыл вторую папку. Ту, что дал Хранитель. Ту, в которой была копия завещания Петра Первого, переведенная его дедом.

Бумаги здесь были старше, желтее, хрупкие на ощупь. Почерк деда — ровный, каллиграфический, с легким наклоном вправо — заполнял страницы плотным, аккуратным текстом. Японский перевод старинного русского документа. И внизу, на полях, примечания деда — те же, что и на документах проекта, но другим почерком, более задумчивым, философским.

Юкио читал медленно, вникая в каждое слово.

Завещание Петра было не длинным, но каждое предложение весило тонну. Петр писал своим наследникам:

«Государи российские, не довольствуйтесь владением нынешними пределами. Расширяйтесь на восток, через Сибирь, через океан, до самого американского материка. Ибо Россия — не Европа и не Азия, Россия — третий путь. И кто не будет идти по этому пути — будет сметен. Не останавливайтесь ни перед чем. Народы, которые встретите, — покоряйте. Земли, которые займете, — укрепляйте. Ибо только в движении — сила. Только в расширении — безопасность. Тот, кто остановится, — погибнет».

А дальше — странное, пугающее дополнение, которое дед выделил красным карандашом:

«Если же Россия падет, если империя наша распадется, то пусть тот, кто поднимет ее обломки, знает: мы завещали миру не покой, а движение. И тот, кто не поймет этого, будет уничтожен теми, кто понял. Ибо природа империи — в вечной экспансии. Остановка есть смерть».

На полях, рядом с этим абзацем, дед написал:

«Это не завещание. Это проклятие. Империя, которая верит в это, обречена вечно воевать или погибнуть. Нет третьего пути. Петр создал машину, которая не может остановиться. И мы, японцы, создали такую же. И американцы — такую же. Все империи одинаковы в своей одержимости».

Юкио закрыл папку. Руки его больше не дрожали — они стали тяжелыми, как будто через эти бумаги к нему пришла какая-то древняя, неподъемная сила.

Он подошел к окну.

Порт спал. Только редкие огни горели на причалах, да где-то далеко, на рейде, стоял корабль, подсвеченный луной. Сопки чернели на фоне звездного неба, и на самой высокой из них, где днем реял имперский флаг, теперь было темно и пусто.

Юкио думал о деде, который переводил эти строки, пытаясь понять, что движет империями. Думал об отце, который увидел своими глазами, к чему приводит эта одержимость движением, и заплатил за это жизнью. Думал о Кабояси, который выбирал между правдой и вла-

стью и выбрал власть, надеясь изменить систему изнутри. Думал о Ватабэ, который продолжал испытания, потому что верил, что только сила может удержать империю.

Они все были правы по-своему. И все они были неправы.

Письмо, которое привело его в архив, лежало на столе. Он взял его, перечитал еще раз: *«То, что искал ваш дед. То, что не нашел ваш отец».*

Теперь он знал. Дед искал понимание. Отец нашел правду и погиб. А он, Юкио, что он должен сделать с этим знанием?

Он вспомнил слова Хранителя: *«У тебя есть время до рассвета. Потом ты должен будешь решить».*

За окном ночь еще была плотной, черной, без намека на утро. Но Юкио знал, что время идет. Часы на башне архива пробили полночь, когда он уходил. Теперь, наверное, был час, или два, или три. Время текло иначе, когда держишь в руках такое.

Он сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги. Карандаш лежал рядом, отточенный, готовый.

Юкио думал о том, что скажет Кабояси, когда они встретятся утром. Или днем. Или когда губернатор позовет его. Скажет ли он правду? Сможет ли он смотреть в глаза человеку, который был на полигоне, который видел то же, что и его отец, и промолчал? Сможет ли он обвинить его, когда сам понимает, как трудно говорить правду в империи, которая не прощает правды?

А что, если он не скажет ничего? Спрячет папки, как их спрятали до него, и будет жить, как жил Кабояси, надеясь изменить что-то изнутри, но так и не изменив ничего?

Отец выбрал правду и погиб. Кабояси выбрал молчание и власть. Кто из них был прав?

Юкио провел рукой по лицу, стирая усталость, которая была глубже, чем просто бессонная ночь. Он посмотрел на папки, на письмо, на чистый лист перед собой.

Потом встал, прошел на кухню, нашел чайник — старый, поцарапанный, оставшийся от прежнего хозяина. Налил воды, поставил на плиту. Пока вода грелась, он стоял у окна, глядя на спящий город, и думал о матери, которая ждет в Токио, которая не знает, что ее муж не просто пропал, а был отправлен на смерть за то, что сказал правду.

Чайник закипел, и пар побежал по стеклу, затуманивая вид. Юкио заварил чай — тот самый, что стоял в шкафу, казенный, без вкуса, просто горячая вода с привкусом трав. Сел за стол, держа кружку в руках, чувствуя, как тепло растекается по пальцам.

Он не знал, что будет делать утром. Не знал, сможет ли смотреть в глаза Кабояси, зная то, что знает. Не знал, что делать с папками — спрятать, уничтожить, показать, кому? Кому можно показать правду в империи, где правда убивает?

Но он знал одно. Он не будет, как Ватабэ, использовать знание для власти. И не будет, как Кабояси, прятать его за спинами мертвых. И, может быть, не будет, как отец, бросать правду в лицо тем, кто не хочет ее слышать.

Может быть, есть другой путь. Тот, о котором говорил дед, когда писал на полях завещания: *«Понять. Не чтобы судить. Чтобы не повторить».*

Юкио допил чай, поставил кружку на стол. Папки лежали рядом — проект Цутомо, завещание Петра, судьбы трех поколений его семьи. Он не спрячет их. Не уничтожит. Он будет знать. И, может быть, когда придет время, он сможет сделать так, чтобы это знание не убивало, а предупреждало.

За окном небо над сопками начало светлеть. Звезды гасли одна за другой, уступая место серому, предрассветному сумраку. Где-то в порту загудел первый корабль, где-то залаяла собака, запел петух в чьем-то дворе.

Юкио встал, подошел к окну. Город просыпался. Серый, холодный, но живой. Кварталы русские, японские, корейские, китайские — все вместе, на одной земле. Люди, которые не знали о проекте Цутомо, о завещании Петра, о том, что где-то на Сахалине, возможно, до

сих пор хранятся образцы агента, способного убить целый город. Люди, которые просто жили. Работали. Торговали. Растили детей. Ждали.

Юкио посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Они были спокойными, твердыми, готовыми.

Утро наступало. Пришло время решать.

Он убрал папки в ящик стола, запер его на ключ. Ключ положил в карман, рядом с письмом, которое привело его в архив. Снял китель, повесил на спинку стула, лег на кровать, не раздеваясь, глядя в потолок, где играли тени от первых лучей солнца.

Он не спал. Он ждал. Ждал рассвета, когда нужно будет идти в администрацию, смотреть в глаза Кабояси, работать, жить в этом городе, на этой земле, с этим знанием.

И думал о том, что, может быть, это и есть то, что искал его дед. Не ответы. Не правду. Не справедливость. А способность жить с вопросами. Способность помнить. Способность не повторять.

Байкал помнит, — сказал Хранитель.

Теперь и он помнил. И это было и проклятием, и единственным, что могло спасти.

За окном вставало солнце над Владивостоком — городом, который не забыл своего имени. Юкио закрыл глаза, и в темноте под веками он видел лица: деда, который искал понимание, отца, который нашел правду, матери, которая ждала. И город, который тоже ждал. Ждал, что кто-то наконец поймет.

Юкио открыл глаза. Рассвет занялся над бухтой, окрашивая воду в золото и кровь. Он поднялся, подошел к окну, посмотрел на город, который теперь стал его городом.

Утро началось. И он был готов встретить его. С правдой. С памятью. С вопросами, на которые, возможно, никогда не будет ответов.

Но он будет искать. Как дед. Как отец. Как тот, кто помнит.

Стук в дверь вырвал его из тяжелого, липкого забытья. Юкио не понял сначала, где он — в поезде, в доме матери, в архиве. Потом реальность вернулась резко, как удар: чужая комната, чужой город, папки, спрятанные в ящике стола.

Он вскочил с кровати, не раздеваясь, в том же кителе, в котором уснул. Шея затекла, спина болела, голова была тяжелой, как после долгой болезни. Стук повторился — три коротких, властных удара, не спрашивающих, требующих.

— Сейчас, — сказал Юкио, и голос его прозвучал хрипло.

Он огляделся. Папки. В ящике стола. Ключ в кармане. Он сунул руку в карман, нащупал металл — на месте. Письмо, которое привело его в архив, лежало там же, сложенное вчетверо. Всё на месте. Всё при нем.

Он прошел к двери, по пути одергивая китель, приглаживая волосы, пытаясь придать лицу выражение человека, который спал нормальным сном, а не сидел до рассвета над документами, способными уничтожить империю.

Дверь открылась.

На пороге стоял Кабояси.

Губернатор был в той же простой рубашке, что и вчера, только теперь она была аккуратно заправлена в брюки, рукава застегнуты. Лицо его было спокойным, но глаза — те самые, печальные, глубокие — смотрели внимательно, сканируя лицо Юкио, одежду, комнату за его спиной.

— Добрался? — спросил Кабояси. Голос его был ровным, будничным, словно они вчера расстались пять минут назад.

— Да, господин губернатор. Спасибо за квартиру.

Кабояси кивнул, но не уходил. Стоял на пороге, чуть склонив голову, и взгляд его задержался на лице Юкио чуть дольше, чем того требовали приличия.

— Плохо спал? — спросил он. Вопрос прозвучал не как сочувствие, а как констатация факта, который он и так знал.

— Дорога сказалась, — ответил Юкио. — И новый город. Много впечатлений.

— Много впечатлений, — повторил Кабояси, и в его голосе послышалась легкая, почти незаметная насмешка. — Да. Этот город умеет впечатлять. Особенно ночью.

Он помолчал, и в тишине этой Юкио показалось, что губернатор знает. Знает, где он был вчера. Знает, что он нашел. Знает, что папки лежат в ящике стола, в трех метрах от них. Но Кабояси ничего не сказал. Только еще раз внимательно посмотрел на молодого чиновника и, кажется, нашел то, что искал.

— Машина ждет внизу, — сказал он, отступая в коридор. — Спускайся. Сегодня много работы.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но на пороге задержался, обернулся через плечо.

— Танака. — Голос его стал тише, почти доверительным. — В этом городе важно высыпаться. Не высыпается только тот, кто взял на себя слишком много. Или тот, кто знает слишком много. И то, и другое — опасно.

Юкио встретил его взгляд. В глазах губернатора не было угрозы. Не было предостережения. Было что-то другое — может быть, узнавание. Может быть, понимание. Может быть, то же самое, что он сам чувствовал, глядя в зеркало сегодня утром.

— Я понял, — сказал Юкио. — Я постараюсь высыпаться.

Кабояси кивнул, и на секунду его суровое лицо смягчилось — так быстро, что Юкио не был уверен, не почудилось ли ему.

— Хорошо. Спускайся. Не заставляй себя ждать.

Он ушел. Шаги его затихли в лестничном пролете — ровные, неторопливые, уверенные.

Юкио закрыл дверь и прислонился к ней спиной, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Он прошел к столу, проверил ящик. Папки были на месте. Ключ от ящика — в кармане. Письмо — там же. Всё спрятано. Всё в порядке.

Он посмотрел на себя в маленькое зеркало, висевшее в прихожей. Лицо было бледным, под глазами залегли темные круги, китель помят. Он провел руками по волосам, поправил воротник, одернул полы. Выглядел он так, как выглядит человек, который провел ночь не во сне, а в размышлениях о вещах, которые не должен был знать.

Но это было правдой. И с этим нужно было жить.

Он взял ключи, вышел в коридор, закрыл дверь. Спускаясь по лестнице, чувствовал, как папки, оставленные в ящике стола, тянут его назад, к себе, напоминая, что они там, ждут. Но он не обернулся. Нельзя было показывать, что он несет с собой что-то, что не влезает в портфель и не помещается в карманах.

У подъезда стояла черная машина — *Nissan President*, полированная, с затемненными стеклами, номерной знак имперской администрации. Рядом с машиной, опершись на дверцу, курил водитель — пожилой японец с лицом, изрезанным морщинами, и спокойными, ничего не выражающими глазами.

— Господин Танака? — спросил он, выбрасывая сигарету.

— Да.

— Садитесь. Господин губернатор уже в администрации.

Юкио сел на заднее сиденье. Кожа была прохладной, гладкой, пахло чем-то дорогим, казенным, безликим. Машина тронулась плавно, почти неслышно, и город поплыл за окном — утренний, серый, деловой. Люди спешили на работу, грузовики везли товары, на рынках уже торговали, выкрикивая цены на русском, корейском, китайском, японском.

Юкио смотрел на них и думал о том, что никто из этих людей не знает о проекте Цутомо. Не знает, что где-то на Сахалине, возможно, до сих пор хранятся образцы агента, способного уничтожить целый город. Не знает, что человек, который хочет стать губернатором, готов был

использовать это оружие. Не знает, что империя, которой они служат, построена на крови, которая не высохнет еще поколениями.

Они просто жили. Работали. Торговали. Растили детей. И, может быть, это было правильнее, чем знать. Или нет. Он не знал. Он больше ничего не знал наверняка.

Машина остановилась у здания администрации. Водитель вышел, открыл дверь.

— Господин Танака, мы приехали.

Юкио вышел. Утренний воздух был холодным, пах морем и выхлопными газами. Над зданием реял имперский флаг — багровый, с хризантемой, развевающийся на ветру, как всегда.

Он поднялся по ступеням, миновал охранников, которые уже узнавали его и кивали, миновал вестибюль, где сновали чиновники с папками, поднялся на свой этаж. В коридоре его ждал Кэнтаро, младший сотрудник, с лицом, раскрасневшимся от волнения.

— Господин Танака! — он поклонился, едва не уронив стопку бумаг, которую держал в руках. — Господин Кабояси просил передать, чтобы вы зашли к нему, как только прибудете. У него для вас поручение.

Юкио кивнул.

— Сейчас зайду.

Он прошел в свой кабинет, закрыл дверь. Вдохнул. Выдохнул. Посмотрел на стол — вчерашние папки, неразобранные вещи, коробка с пельменями, калькулятор отца. Всё на месте. Всё как вчера. Но мир изменился.

Он достал из кармана ключ, посмотрел на него. Маленький, металлический, холодный. За ним — правда, которую он нашел в архиве. Правда о деде, об отце, об империи. Правда, которая теперь была с ним всегда.

Он спрятал ключ обратно, поправил китель, вышел в коридор.

Дверь кабинета Кабояси была открыта. Губернатор сидел за столом, перед ним лежали карты, какие-то бумаги, чашка чая остывала на краю. На стене, там, где вчера висел свиток с иероглифом «Ва», сегодня висела другая каллиграфия: *«Познай себя, и ты познаешь мир»*.

— Входи, Танака, — сказал Кабояси, не поднимая головы. — Садись.

Юкио вошел, сел напротив. Кабояси поднял глаза, и взгляд его был спокойным, изучающим, как у человека, который смотрит на карту перед решающим ходом.

— Выспался? — спросил он.

— Немного, — честно ответил Юкио.

Кабояси усмехнулся — коротко, сухо.

— Ничего. Выспишься потом. Работы много.

Он подвинул к Юкио стопку бумаг.

— Вот. Сводки по порту за прошлую неделю. Списки назначений в приморских районах. Отчет по продовольственным запасам. Твоя задача — изучить, сделать выводы, подготовить предложения. К концу недели я жду твой первый доклад.

Юкио взял бумаги. Обычные. Рабочие. Такие же, как вчера.

— И еще, — Кабояси помолчал, глядя куда-то в сторону, на карту, висящую на стене. — Полковник Танако вышел на связь. Он уже в Сибири. Пока ничего не нашел, но...

Он замолчал, и в тишине этой Юкио почувствовал то, что не было сказано. Танако искал завещание Петра. То самое, копия которого лежала сейчас в ящике его стола. То, которое перевел его дед.

— Будем надеяться, что он найдет то, что ищет, — сказал Кабояси, и голос его был спокоен, но в спокойствии этом чувствовалась тяжесть. — Или не найдет. Иногда лучше не находить.

Он посмотрел на Юкио, и на секунду между ними повисло что-то — не вопрос, не ответ, а просто молчаливое понимание. Или Юкио показалось. Или он хотел, чтобы ему показалось.

— Можешь идти, — сказал Кабояси, возвращаясь к своим бумагам. — Работай.

Юкио встал, поклонился, вышел. В коридоре он остановился, прижимая к груди стопку отчетов, и почувствовал, как в кармане лежит ключ — маленький, металлический, тяжелый.

Он вернулся в свой кабинет, сел за стол. Открыл первую папку — портовые сводки, цифры, названия судов, объемы грузов. Обычная работа. Та, ради которой его привезли сюда.

Но где-то в ящике стола, запертые на ключ, лежали другие бумаги. Бумаги, которые могли всё изменить.

Юкио взял ручку, открыл блокнот и начал работать. Цифры, фамилии, отчеты. Город ждал. Живые люди ждали. И, может быть, в этом — в работе, в понимании, в умении видеть не только правду, но и то, что после правды — было его настоящее дело.

А остальное... остальное придет позже. Когда он будет готов. Когда придет время.

Юкио работал, и за окном вставало солнце над городом, который не забыл своего имени. Городом, который теперь стал его городом. С его правдой. С его вопросами. С его надеждой.

Глава 3 Москва

Глава 3 Москва

Готтенбург — так теперь называлась Москва. Имя дали в честь древнего города готов, подчеркивая связь новой империи с древними германскими корнями. Но старые названия не умирали легко. В кулуарах, в казармах, в прокуренных штабных комнатах город продолжали называть по-старому. Москва. Это имя висело в воздухе, как пар над замерзшей рекой, — неистребимое, живучее, опасное.

Машина — черный *Mercedes-Benz 300*, бронированный, с затемненными стеклами и флажком Финской группы на крыле — медленно пробиралась по заснеженным улицам. Эрих Йегер сидел на заднем сиденье, рядом с генералом Яхом, и смотрел в окно.

Город был чужим. Даже после десяти лет он оставался чужим. Широкие проспекты, сталинские высотки, которые так и не достроили до конца, теперь стояли с облупившейся штукатуркой, с выбитыми окнами, с немецкими флагами, свисающими с балконов, как язык побежденного города, который не сдавался. Над Кремлем — или тем, что от него осталось, — реяло знамя Рейха: черный крест на белом поле, в центре — стилизованный орел, держащий свастику. Русские называли его по-своему, но Йегер не знал их слов. И не хотел знать.

Генерал Ях сидел справа, разглядывая карту, разложенную на коленях. Финн. Наемник, как говорили в штабе, но Йегер знал, что это не так. Ях был из тех, кто верил. Верил в новый порядок, в очищение Европы, в то, что они делают правильное дело. Такие были опаснее любых наемников. Им нельзя было сказать, что операция провалилась, что партизан в Москве больше, чем немцев, что город не сдастся даже после того, как его переименовали.

— Доклад доставлен? — спросил Ях, не поднимая глаз от карты.

— Да, генерал, — ответил Йегер. — Лагерь в районе старых складов. Около трехсот человек. Русские, несколько евреев, трое китайцев. Вооружены: пулеметы Дегтярева, автоматы Шпагина, гранаты. Ждали приказа из центра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.